

О СПОСОБАХЪ И ПОРЯДКѢ УПРАВЛЕНІЯ ВОЙСКАМИ

НА ВОЙНѢ И ВЪ БОЮ (*).

Вопросъ о зависимости успѣха военныхъ дѣйствій въ бою и на войнѣ отъ способа и порядка управления войсками не новый; онъ всегда затрогивался въ курсахъ стратегіи, въ разныхъ статьяхъ по тактикѣ и даже въ газетныхъ замѣткахъ. Въ настоящее время, вопросъ этотъ еще болѣе выдвинуть впередъ; нынѣ встрѣчается много статей и замѣтокъ, основательно разрабатывающихъ ту часть этого вопроса, которая касается способовъ и порядка отдачи, передачи и приема приказаній и донесеній. Тѣмъ не менѣе, свѣдѣнія, относящіяся до вожденія войскъ въ бою и на войнѣ, разбросанныя по многочисленнымъ трактатамъ стратегіи, тактики и разнымъ статьямъ, до сихъ поръ не приведены въ стройную систему.

Такъ, почти во всякомъ сочиненіи по тактикѣ мы находимъ указанія на средства и способы для вожденія войскъ, иногда относящіяся только до какого либо оружія, иногда въ видѣ общихъ совѣтовъ, часто какъ средство въ исключительныхъ случаяхъ—словомъ, указанія весьма разнообразныя и многочисленные, но не имѣющія между собою органической связи, а являющіяся какъ слѣдствіе того или другаго измѣненія формъ строя, тѣхъ или другихъ способовъ и средствъ для веденія боя, или даже измѣненія духа и общаго уровня развитія массы войскъ. Въ послѣднее время появилось сочиненіе бывшего профессора берлинской военной академіи полковника Верди-дю-Вернуа «Упражненія для командованія войсками» или, какъ озаглавленъ переводъ этого сочиненія, сдѣланный капитаномъ Пузыревскимъ, «Упражненія въ искусствѣ вести войска», гдѣ авторъ, не въ формѣ теоретическаго трактата, а на конкретныхъ примѣрахъ, взятыхъ изъ войны 1866 года, частью измѣненныхъ и дополненныхъ имъ для болѣе полнаго ознакомленія со всевозможными положеніями, въ которыхъ можетъ находиться извѣстная часть, показываетъ тотъ порядокъ и способъ вожденія войскъ, которые необходимы въ бою и на войнѣ.

(*) Три публичныя лекціи, читанныя въ Одесскомъ пѣхотномъ юнкерскомъ училищѣ.

Конечно, нельзя не признать пользы и рациональности подобнаго метода, доставляющаго съ одной стороны возможность провѣрить на самомъ дѣлѣ необходимость того или другаго распоряженія, вызываемаго известной обстановкой, и съ другой, указывающаго на практикѣ, какимъ способомъ и въ какой формѣ это должно быть сдѣлано. Кроме того, способъ этотъ весьма удобенъ для самообученія.

Важность рассматриваемаго вопроса, какъ относительно достиженія какой либо цѣли войны, такъ и по достиженію благопріятныхъ результатовъ боя, вытекаетъ: первое, въ силу направленія массъ и увѣренности въ исполненіи задуманнаго предпріятія, такъ какъ мало составить хорошій планъ кампаніи, но нужно уметь вести массы войскъ въ известномъ и требуемомъ обстоятельствами направленіи, что возможно при известной обстановкѣ власти и подраздѣленіи массъ войскъ на части, не затрудняющія сношеній съ ними главнаго начальника; второе—въ силу того обстоятельства, что при нынѣшнихъ способахъ и средствахъ для веденія боя, тотъ только можетъ рассчитывать на успѣхъ, кто увѣренъ въ передачѣ своихъ распоряженій, безъ малѣйшаго тренія и замедленія, подчиненнымъ мѣстамъ и лицамъ и въ таковомъ же полученіи отъ нихъ донесеній; потому что обстановка боя безконечно и весьма быстро измѣняется, элементъ случайности присущъ бою нынѣ болѣе, чѣмъ когда либо, а своевременное отраженіе удара, играющее первостепенную роль, возможно только при быстрой передачѣ приказаній и полученіи донесеній, дающихъ право поступить такъ, а не иначе.

Очевидно, что занимающій насъ вопросъ важенъ для всѣхъ начальниковъ, какъ въ степеняхъ высшихъ, такъ и низшихъ: каждому, какой бы онъ незначительной частью ни распоряжался, придется управлять ею на войнѣ и въ бою, а потому и указаніе на способъ и порядокъ вожденія войскъ, выработанный опытомъ войнъ, будетъ служить умственнымъ обогащеніемъ, дающимъ право надѣяться на устраненіе многихъ губельныхъ случайностей, и безъ того часто встрѣчающихся на войнѣ.

Успѣшное управленіе или вожденіе войскъ въ бою и на войнѣ зависитъ отъ трехъ главныхъ условий, а именно: 1) отъ степени власти, ея объединенія и распространенія въ рукахъ главнокомандующаго, 2) отъ подраздѣленія массы войскъ на гибкія и подвижныя единицы высшаго порядка и отъ устройства административныхъ органовъ, служащихъ для передачи воли главнокомандующаго войскамъ, и наконецъ, 3) отъ способа и порядка отдачи и передачи приказаній и донесеній.

Рассмотримъ значеніе каждаго изъ этихъ условій.

I.

СТЕПЕНЬ ВЛАСТИ, ЕЯ ОБЪЕДИНЕНІЕ И РАСПРОСТРАНЕНІЕ.

Вести войска къ разъ опредѣленной и поставленной цѣли войны можетъ тотъ, кто не стѣсненъ ни какою высшею властью и совѣтами, и чья власть распространяется на всѣ части, органы и средства, находящіеся на театрѣ войны. Допуская двѣ арміи или двоевластіе на одномъ театрѣ, нельзя ожидать, чтобы даже при самыхъ благопріятныхъ обстоятельствахъ, т. е. при сходствѣ возрѣній главнокомандующихъ и одинаковой ихъ опытности, цѣли войны были достигнуты съ наименьшими пожертвованіями, потому что несходство характеровъ и присущее каждому человѣку желаніе быть наиболѣе самостоятельнымъ порождаютъ замедленіе, треніе и часто даже остановку прекрасно задуманныхъ мѣропріятій. Планъ, прекрасно задуманный и обстоятельно разработанный, можетъ быстро и энергично привести въ исполненіе только тотъ, кто положилъ въ него весь запасъ знанія, опытности и усердія. Имѣя двѣ арміи и двухъ не подчиненныхъ другъ другу главнокомандующихъ, нельзя допустить, чтобы планъ, предложенный однимъ, не былъ бы оспариваемъ или, по крайней мѣрѣ, былъ исполняемъ съ достаточною энергіею и быстротою другимъ, что не можетъ не отразиться на успѣхѣхъ предпріятія. (Спѣшу оговориться, что здѣсь подъ арміями понимаются вполнѣ самостоятельныя, не подчиненныя другъ другу и не имѣющія общаго главнокомандующаго значительныя массы войскъ, но не такія, какія были у прусаковъ и германцевъ въ войнахъ 1866 и 1870—1871 годовъ, гдѣ арміи были подчинены императору, какъ общему главнокомандующему. Подобное дѣленіе, при громадномъ массивованіи войскъ на одномъ театрѣ войны, развитіи культуры и разнообразіи и измѣнчивости обстановки, при нынѣшнемъ способѣ веденія войны, требующей часто значительной доли самостоятельности и собственной инициативы отъ большихъ массъ войскъ, должно быть признано за необходимое и неизбѣжное).

Дѣйствія нашихъ войскъ въ Отечественную войну 1812 года, до назначенія общаго главнокомандующаго Кутузова, показываютъ, на сколько вредно для дѣла существованіе двухъ самостоятельныхъ армій на одномъ театрѣ войны. Вслѣдствіе разногласія между Барклаемъ и Багратиономъ, нашими главнокомандующими 1-ю и 2-ю арміями упускается прекрасный случай разбить французскую армію, разбросан-

ную на квартирахъ, такъ какъ Барклай полагалъ наступать по правому берегу р. Днѣпра, Багратионъ—по лѣвому. Также во время отступления 1-й арміи отъ Смоленска она исполняетъ опасный фланговый маршъ, не будучи почти совсѣмъ прикрыта со стороны непріятели, дебушировавшаго изъ Смоленска, потому что Багратионъ, вмѣсто сильнаго арьергарда, который, по условію съ Барклаемъ, онъ долженъ былъ оставить за р. Колоднею, оставляетъ только слабый отрядъ, состоящій большею частью изъ казаковъ.

Всѣ великіе полководцы сознавали вредъ раздѣленія власти. «Единство въ командованіи (единство военной мысли), говоритъ Наполеонъ, есть условіе первостепенной важности на войнѣ...» и въ другомъ мѣстѣ, въ письмѣ къ директоріи изъ Лоди, «никогда не слѣдуетъ имѣть двухъ армій на одномъ и томъ же театрѣ военныхъ дѣйствій». Тюреннъ выражается еще яснѣе, говоря «лучше одинъ посредственный главнокомандующій, чѣмъ два хорошихъ». Нашъ великій Суворовъ былъ того же мнѣнія, что и высказано имъ въ письмѣ, составленномъ для усмиренія французской республики (*).

Для полнаго объединенія власти въ рукахъ главнокомандующаго необходимо, чтобы всѣ чины, органы и средства, находящіеся при арміи и служащіе ей чѣмъ бы то ни было, были безусловно подчинены ему. Изъ этого, конечно, слѣдуетъ, что и части территорій, занятыхъ войсками въ своей странѣ или въ непріятельской, по праву войны, должны быть также подчинены главнокомандующему, для доставленія ему возможнаго облегченія въ трудномъ дѣлѣ управленія войсками.

Война 1831 года показываетъ, какъ вредно отзывается на военныхъ операціяхъ неполное подчиненіе части, даже меньшей, нежели армія. Великій князь Михаилъ Павловичъ, командиръ гвардейскаго корпуса, былъ сначала не вполне подчиненъ фельдмаршалу Дибичу, но долженъ былъ дѣйствовать въ связи съ нимъ, причемъ, корпусъ былъ расположенъ въ значительномъ удаденіи отъ главной арміи и былъ до извѣстной степени изолированъ. Это обстоятельство повело къ катастрофѣ съ 6-мъ Литовскимъ корпусомъ барона Розена и, быть можетъ, привело бы къ таковой же съ гвардейскимъ корпусомъ, если бы Скржинецкій дѣйствовалъ болѣе рѣшительно, а гвардія была бы

(*) Безъ сомнѣнія, не слѣдуетъ допускать двухъ самостоятельныхъ армій на одномъ и томъ же театрѣ войны; мы такъ и понимаемъ слова Наполеона, потому что выше изложено, что въ настоящее время придется неизбежно дѣйствовать нѣсколькими арміями на одномъ театрѣ войны, но при условіи подчиненія ихъ общему главнокомандующему, а тогда и принципъ единства власти будетъ соблюденъ.

негдѣ устойчива. После битвы при г. Остролежѣ, когда гвардейскій корпусъ вполне подчинился Дибичу, единство дѣйствій было восстановлено.

Для облегченія и возможно лучшаго управленія войсками недостаточно объединенія власти и распространенія ея на всѣ части, органы и средства, находящіяся при арміи, но и сама власть должна быть достаточно обширна и нестѣсняема, въ мѣрѣ, предоставленной закономъ, другою высшею властью или какими либо коллегіальными учрежденіями. Неисполненіе этого правила всегда приводило къ весьма грустнымъ результатамъ, что достаточно подтверждаетъ военная исторія. Существовавшій до 1848 года въ Австріи гофкригсратъ (высшій военный совѣтъ), стремившійся управлять арміями изъ столицы, былъ тормазомъ и главнѣйшей причиною неудачъ австрійскаго оружія. Въ послѣднее время появленіе электрическаго телеграфа снова породило желаніе управлять арміями изъ столицы, удаленной отъ театра войны на нѣсколько тысячъ верстъ; но урокъ, полученный Наполеономъ III за преждевременный штурмъ Севастополя, произведенный по его настоянію, противъ желанія Пелисье, показываетъ, что управлять арміею, при необыкновенно быстрой и безновечной измѣнчивости обстановки, можетъ только тотъ, кто находится при самой арміи и не стѣсненъ ни какою другою высшею властью, находящеюся внѣ театра войны. Давленіе французскаго военнаго министра въ послѣднюю франко-прусскую войну 1870—1871 годовъ было причиною безразсуднаго движенія арміи маршала Макъ-Магона къ Седану, приведшаго къ безприжрѣной въ военной исторіи катастрофѣ. Макъ-Магонъ, благодаря только настоятельнымъ требованіямъ Паликао, бывшаго тогда военнымъ министромъ, рѣшился, вопреки своему личному убѣжденію, на движеніе къ Седану.

Суворовъ, въ своемъ планѣ къ усмиренію французской республики, резюмировалъ необходимость полноты власти главнокомандующаго слѣдующими латиническими словами: «Полная мочь избранному полководцу», т. е. отсутствіе какаго либо стѣсненія въ предѣлахъ предоставленной ему власти.

Такимъ образомъ, сводя все вышеуказанное, оказывается, что для невозможнѣйшаго облегченія и вполне успѣшнаго управленія войсками необходимо: чтобы власть была объединена въ рукахъ общаго главнокомандующаго; чтобы она распространялась на всѣ лица, части, органы и средства, находящіяся при арміи и чѣмъ либо содѣйствующіе ей; наконецъ, чтобы она была достаточно обширна и

необходима, въ мѣрѣ, предоставленной закономъ, никакому другому высшему власти или совѣтану.

II.

ПОДРАЗДѢЛЕНІЕ МАССЫ ВОЙСКЪ НА ГИБКІЯ И ПОДВИЖНЫЯ ЕДИНИЦЫ ВЫСШАГО ПОРЯДКА.

Еще недавно, во многихъ государствахъ Европы, существовало въ мирное время подраздѣленіе арміи только на роты, баталіоны, полки и дивизіи, причѣмъ не считалось необходимымъ сводить ихъ въ болѣе крупныя части, въ видахъ возможно большаго развитія каждаго изъ элементовъ (пѣхоты, артилеріи, кавалеріи и инженеровъ) и, съ другой стороны, развитія активнаго начала въ начальникахъ въ предѣлахъ, требуемыхъ войною. Въ настоящее время, при нынѣшнемъ способѣ мобилизаціи арміи и необходимости достиженія ея въ кратчайшій срокъ, въ нѣкоторыхъ большихъ европейскихъ государствахъ, для скорѣйшей готовности арміи на случай войны, принята организація съ подраздѣленіемъ арміи въ мирное время на роты, баталіоны, полки, бригады, дивизіи и *корпуса* (*) и, только одна сводка корпусовъ въ арміи оставлена для военного времени.

Необходимость дѣленія арміи на части въ мирное время вызывается потребностями управленія, обученія и удобствъ хозяйственныхъ; безъ подраздѣленія на части немислимо существованіе какого либо организаціи, а тѣмъ болѣе такого, какова армія. Но вмѣстѣ съ тѣмъ немислимо допустить существованіе арміи громаднаго численнаго состава, какія бывають нынѣ, расчлененной только на низшія тактическія и административныя единицы—рота, баталіонъ, полкъ—потому что тогда управленіе такой арміею становится весьма затруднительнымъ: всѣ распоряженія будутъ доходить до исполнителей, не обладающихъ достаточною властью, чтобы способствовать быстротѣ исполненія; обученіе не можетъ идти успѣшно, разумѣется, не въ смыслѣ развитія каждаго изъ элементовъ, а въ смыслѣ совокупныхъ ученій всѣхъ родовъ оружія и маневрированія; въ отношеніи хозяйственномъ встрѣтится также много затрудненій и, наконецъ, главное, быстрая мобилизація едва-ли будетъ возможна.

Признавая, такимъ образомъ, необходимость подраздѣленія арміи на высшія тактическія единицы въ мирное время, мы тѣмъ болѣе

(*) Организація корпусовъ въ мирное время введена въ Германіи, во Франціи и отчасти въ Россіи.

должны допустить необходимость его для военного времени, потому что, если представимъ себѣ армию въ 100,000, раздѣленную только на полки, то главнокомандующему придется имѣть дѣло съ 30 полковыми командирами и другими начальниками частей, вслѣдствіе чего, вдаваясь въ мелочи администраціи, онъ будетъ отвлеченъ отъ своихъ главныхъ обязанностей. Допуская въ той же арміи дивизіи и корпуса, мы облегчимъ главнокомандующему управленіе войсками, такъ какъ ему придется имѣть дѣло только съ четырьмя корпусными командирами, а, слѣдовательно, его идея, воля его, будетъ доходить до исполнителей съ наименьшимъ треніемъ, и онъ не будетъ отвлекаться мелочными распоряженіями, потому что забота эта ляжетъ тогда на значительное число исполнителей, обладающихъ достаточно обширною властью. При арміи въ 40,000, конечно, возможно допустить подраздѣленіе только на дивизіи, потому что тогда главнокомандующему придется имѣть дѣло съ тремя начальниками дивизій, что не можетъ затруднить его и отвлечь отъ прямыхъ и болѣе важныхъ обязанностей. Если, наконецъ, мы возьмемъ армию въ 300,000, то и подраздѣленіе ея на корпуса окажется недостаточнымъ, потому что тогда сношеніе главнокомандующаго съ 10 или 12 корпусными командирами будетъ такъ же затруднительно, какъ и при арміи въ 100,000 съ 12 начальниками дивизій. Въ этомъ случаѣ необходимо, слѣдовательно, допустить дѣленіе всей массы войскъ на арміи, что вполне отвѣчаетъ нынѣшней обстановкѣ войны, требующей часто отъ большихъ массъ войскъ, дѣйствующихъ на одномъ театрѣ войны, значительной доли самостоятельности и собственной инициативы.

Такимъ образомъ, та или другая организація арміи обуславливается ея числительною силою, а, слѣдовательно, чѣмъ больше армія, тѣмъ болѣе сильныя подраздѣленія должны быть въ ней допускаемы. Это вполне подтверждается военною исторіею.

Въ XVII столѣтіи, во времена Густава-Адольфа, при числительной силѣ арміи отъ 20,000 до 30,000, наиболѣе крупною единицею была бригада; Тюреннь, имѣя подъ командою пятидесятитысячную армию, нашелся вынужденнымъ подраздѣлить ее на дивизіи; генераль Моро, командуя стотысячною арміею, раздѣленною на 11 дивизій, вводитъ корпуса, но какъ мѣру временную, окончательно утвердившуюся лишь со времени сбора французской арміи въ Булонскомъ лагерѣ (у насъ съ 1812 года). Наконецъ, пруссаки и германцы въ войнахъ 1866 и 1870—1871 годовъ, при тристатыхъ арміяхъ, видя затрудненіе въ сношеніяхъ главнокомандующаго съ 10 и 18 корпусными командирами, вводятъ подраздѣленіе арміи на арміи же.

Подраздѣленіе арміи на части вымываетъ необходимость установленія известной связи между начальникомъ и подчиненными ему войсками съ тѣмъ, чтобы воля его доходила до массы исполнителей въ возможно скорѣйшее время, и чтобы всѣ распоряженія его были правильно понимаемы и быстро и энергично исполняемы, не только по буквѣ, но и по духу. Изъ вышесказаннаго слѣдуетъ, что связь эта двойная: основанная на субординаціи и нравственная. Первая, по долгу службы и присяги и на основаніи авторитета власти, повуждаетъ въ точному и неупустительному исполненію воли начальника по буквѣ; органами для передачи ея служатъ штабы и управленія во всѣхъ инстанціяхъ. Кругъ ихъ дѣятельности весьма обширенъ: онъ обнимаетъ всѣ потребности войскъ, но въ нихъ неизбѣжно должно существовать отдѣленіе, имѣющее назначеніемъ передавать распоряженія по управленію или вожденію войскъ въ бою и на войнѣ—отдѣленіе это строевое. Составъ его опредѣляется какъ важностью назначенія, такъ и требованіемъ всесторонняго военнаго образованія отъ лицъ, входящихъ въ него, такъ какъ отъ нихъ зависятъ быстрая передача и часто исполненіе распоряженій, а также доставленіе свѣдѣній, обрисовывающихъ положеніе арміи. Отдѣленія эти, служа первыми помощниками начальникамъ въ трудномъ дѣлѣ управленія войсками, должны вмѣстѣ съ тѣмъ принять известную долю его на себя, конечно, только въ высшихъ инстанціяхъ. Безъ сомнѣнія, для высшихъ инстанцій, гдѣ кругъ дѣятельности весьма разнообразенъ и обширенъ, въ составъ строевыхъ отдѣленій штабовъ и управленій должны быть назначаемы офицеры генеральнаго штаба, какъ лица, обладающія, по преимуществу, всесторонней военной подготовкой.

Установленіе *нравственной* связи между начальникомъ и войсками можетъ быть еще важнѣе, чѣмъ существованіе связи, основанной на субординаціи, такъ какъ, не смотря на всю точность въ исполненіи распоряженій, при недостаткѣ нравственнаго авторитета начальника, вѣры въ разумность его мѣропріятій и привязанности къ нему войскъ, трудно рассчитывать, чтобы предпріятія, имъ задуманныя, исполнялись съ тою живостью и энергіею, которыя желательны въ этомъ дѣлѣ. Въ подобныхъ обстоятельствахъ распоряженія передаются вяло, а исполняются еще вялѣе, такъ что начальнику нельзя рассчитывать, въ случаѣ необходимости, на форсированіе силъ войскъ, и потому трудно надѣяться на достиженіе блистательныхъ результатовъ. Военная исторія представляетъ много примѣровъ той легкости управленія массою войскъ, при крѣпкой нравственной связи, которая достигалась великими полководцами. Суворовъ можетъ служить образцомъ

того умѣнья и такта, которые необходимы для пріобрѣтенія любви солдата — за то и войска слѣдовали охотно за ними повсюду и для нихъ не было ничего невозможнаго. Недвигъ, совершонный Суворовымъ въ 1799 году въ Швейцаріи, при переходѣ чрезъ С.-Готардъ (Чертовъ мостъ) и выходѣ изъ Мутенской долины, показываетъ, на что можетъ отважиться главнокомандующій, сумѣвшій установить прочную нравственную связь съ подчиненными ему войсками.

III.

ОРГАНЫ И СРЕДСТВА ДЛЯ ВОЖДЕНІЯ ВОЙСКЪ ВЪ БОЮ И НА ВОЙНѢ.

Прежде чѣмъ приступить къ разбору третьяго условія, влияющаго на успѣхъ управленія войсками, необходимо разсмотрѣть тѣ органы и средства, которые служатъ для вожденія войскъ въ бою и на войнѣ. Сюда должно отнести: 1) частныхъ начальниковъ, 2) команды, 3) сигналы и бои, 4) приказы, 5) приказанія, 6) диспозиціи, 7) инструкціи и 8) личный примѣръ.

Частные начальники. Всѣ частные начальники, корпусъ офицеровъ, отъ высшихъ до низшихъ, служатъ органами для управленія войсками въ бою и на войнѣ, могутъ способствовать правильному вожденію войскъ при достаточномъ военномъ образованіи, любви и преданности къ дѣлу; при известной боевой опытности и изученіи на практикѣ въ мирное время, на сколько это возможно, свойствъ различныхъ элементовъ и, вообще, изученіемъ военного дѣла. Кромѣ того, отъ офицеровъ требуется полное знаніе степени развитія, нравовъ и обычаевъ находящихся подъ ихъ командою солдатъ, чтобы они могли, пользуясь превосходствомъ въ умственномъ развитіи, пріобрѣсти нравственный авторитетъ и любовь солдатъ, что достигается какъ строгимъ и справедливымъ, въ духѣ дисциплины, обращеніемъ, такъ и полнымъ уваженіемъ вѣры, обычаевъ и нравовъ, и заботливостью и попеченіемъ о нуждахъ солдата.

Имѣя корпусъ офицеровъ, высоко развитый и образованный, но вѣданный въ духѣ исполненія приказаній не по духу, а по буквѣ, нельзя ожидать правильнаго вожденія войскъ на войнѣ и въ бою, такъ какъ нынѣ, болѣе чѣмъ когда либо, при весьма быстро и безконечно измѣняющейся обстановкѣ на войнѣ, въ зависимости отъ средствъ и способствъ, находящихся въ распоряженіи воюющихъ сторонъ, вообще очень значительныхъ, главнокомандующему невозможно слѣдить за ходомъ дѣла во всей подробности, а потому въ каждомъ частномъ на-

чальникъ должна выработаться частная инициатива, дающая возможность измѣнить распоряженія свыше, при явномъ несоотвѣтствіи ихъ съ окружающей обстановкой, но съ условіемъ принятія ответственности на себя, такъ какъ иначе нешатается дисциплина, служащая опорой и снайкой армии. Такъ, если баталіонному командиру поручено захватить деревню, и онъ, двинувшись туда, нашелъ ее очищенной отъ непріятеля, а въ то же время находящейся влѣво отъ него баталіонъ, обороняющій рощу, едва въ состояніи удерживаться и готовъ каждую минуту начать отступление и тѣмъ обнажить флангъ баталіона, назначеннаго для атаки деревни, то баталіонному командиру остается или поддержать баталіонъ, расположенный въ рощѣ, или отступить, что, конечно, зависитъ отъ умѣнья оцѣнить важность того или другаго рѣшенія. Такимъ образомъ, баталіонный командиръ въ дѣйствительности не исполнить приказанія, не онъ правъ, потому что обстановка того требовала. Другое дѣло, если тотъ же баталіонный командиръ, подойдя къ деревнѣ, и находя, по своему усмотрѣнію, что атака ея затруднительна, отступить; тогда онъ кругомъ неправъ, потому что, получивъ приказаніе атаковать деревню, слѣдуетъ, во что бы то ни стало, его исполнить или положить голову, при невозможности достигнуть этого.

Команды. При незначительныхъ арміяхъ, въ древнія времена и въ войнахъ до эпохи французской революціи 1793 года, команда и личный примѣръ были могущественными и почти единственными средствами для управленія войсками въ бою. Незначительное протяженіе боевого порядка, дававшее возможность обнять его однимъ голосомъ; простота маневрированія и эволюцій и менѣе развитая культура, позволяющая давать сраженія на мѣстности открытой и ровной, что вызывалось также порядкомъ строя и дурнымъ состояніемъ метательнаго, а затѣмъ огнестрѣльнаго оружія, были главными причинами такого широкаго примѣненія команды въ бою. Несомнѣнно, что толпы, подобныя полчищамъ Дарія-Гистаспа, Ксеркса, Аттилы, Верцингеторикса и др., какъ составлявшія только значительныя массы вооруженныхъ людей, безъ той внутренней организаци и обученія, которыя даютъ право на названіе войскъ, не могутъ быть принимаемы во вниманіе. Мысль, при громадномъ развитіи культуры, усовершенствованныхъ и весьма далеко дѣйствующихъ способахъ пораженія, вызывающихъ стремленіе укрыться во что бы то ни стало, при измѣненіи порядка строя въ зависимости отъ усовершенствованія огнестрѣльнаго оружія, при безконечномъ и необыкновенно быстромъ измѣненіи обстановки и, наконецъ, при громадной численности войскъ,

дѣйствующихъ на одномъ полѣ сраженія; команда утратила свое значеніе, потому что она можетъ быть употребляема лишь въ рѣдкихъ случаяхъ и только при веденіи малыхъ частей, такъ какъ она не въ состояніи выразить въ большинствѣ случаевъ намѣренія начальника и степени важности момента при ея произнесеніи, и, кромѣ того, при громѣ выстрѣловъ она врядъ ли будетъ услышана. Изъ этого, конечно, не слѣдуетъ, чтобы команда утратила свое значеніе при обученіи войскъ въ мирное время и какъ средство, дисциплинирующее войска, да и въ военное время для веденія ротъ и отчасти батальоновъ, находящихся въ сомкнутомъ строѣ, она важна не менѣе прежняго, хотя примѣненіе ее встрѣчается рѣже. Такимъ образомъ, въ настоящее время является тактика приказаній. Для вожденія же войскъ *на театръ военныхъ дѣйствій*, команда, какъ временіе воли начальника, само собою разумѣется, не могла быть никогда употребляема.

Сигналы и бои. Со времени появленія вооруженныхъ силъ, подъ какимъ бы видомъ онѣ ни существовали, — смолченій, мѣлничій, регулярныхъ войскъ или даже скопищъ дикихъ народовъ, употреблялись всегда сигналы, подаваемые на известномъ инструментѣ или какимъ либо условнымъ знакомъ. Сигналы и бои еще весьма недавно были очень многочисленны и разнообразны, и ими старались замѣнить голосъ начальника, заглушаемый громомъ битвы. Въ настоящее время, примѣненіе ихъ въ бою весьма незначительно, какъ вслѣдствіе быстро измѣненія обстановки боя, такъ и вслѣдствіе невозможности выразить ими желаемое съ надлежащею точностью. Какъ на исключеніе, слѣдуетъ указать на бой къ атакѣ и сигналъ для наступленія, могущіе, кромѣ нравственнаго воодушевленія, возбуждаемаго ими въ войскахъ, двинуть части въ требуемомъ направленіи, потому что атака есть тотъ моментъ боя, когда враги сошлись на близкое разстояніе и требуется только смѣло и безъ оглядки двинуться впередъ, чтобы опрокинуть непріятеля. Во всѣхъ арміяхъ число сигналовъ въ настоящее время постепенно уменьшается, какъ на основаніи опыта послѣднихъ войнъ, такъ и по непримѣнимости ихъ даже на двухстороннихъ маневрахъ. Во время австро-прусской и франко-прусской войнъ сигналы употреблялись весьма рѣдко и служили большею частью для воодушевленія войскъ при движеніи въ атаку; такое же употребленіе сигналовъ встрѣчается на двухстороннихъ маневрахъ; такъ, во время десятидневныхъ двухстороннихъ маневровъ войскъ красносельскаго лагеря въ 1873 году, сигналы были подаваемы весьма рѣдко, за исключеніемъ боя къ атакѣ и сигнала «наступленіе», что отчасти,

впрочемъ, объясняется боязнью обнаружить свои намеренія. Это условіе будетъ существовать и въ бою, такъ какъ не трудно познаться съ сигналами противника.

Приказъ, приказаніе и диспозиція суть виды общаго типа выраженія воли начальника, словесно или письменно, лично или чрезъ кого либо передаваемого. Мирная и военная практика установила между ними довольно существенное различіе, но, тѣмъ не менѣе, общій типъ ихъ есть приказаніе.

Такииъ образомъ, какъ принято у насъ, *приказъ* заключаетъ въ себѣ изложеніе болѣе важныхъ распоряженій, исходящихъ отъ высшихъ лицъ каждаго изъ управленій и отдаваемыхъ письменно, а *приказаніе*, служащее, между прочимъ, часто дополненіемъ и разъясненіемъ приказа, заключаетъ въ себѣ вообще менѣе важныя распоряженія, отдаваемые лицами, подчиненными начальникамъ частей и управленій или часто, хотя и важныя распоряженія, но отдаваемые по распоряженію и властью высшаго начальника. Такъ, корпусный командиръ отдаетъ приказъ по корпусу, а начальникъ штаба, собственною властью, а иногда и по порученію корпуснаго командира, приказаніе; тоже самое въ дивизионныхъ и другихъ управленіяхъ.

Содержаніе и форма приказовъ бываетъ на столько разнообразны и измѣнчивы, что нѣтъ возможности сдѣлать указанія на то, что должно быть въ нихъ помѣщаемо, но можно требовать, чтобы они излагались языкомъ правильнымъ, поматнымъ, и не заключади въ себѣ ничего лишняго, строго не идущаго къ дѣлу; витязатость, высокопарность и растянутость — враги военного слуга, требующаго ясности и краткости.

Кромѣ частнаго значенія приказаній, объясненнаго выше, подъ этимъ названіемъ понимается вообще всякое выраженіе воли начальника, какъ словесное, такъ и письменное, передаваемое на войнѣ и въ бою подчиненнымъ частямъ и лицамъ. Въ этомъ смыслѣ содержаніе и форму приказаній мы разсмотримъ подробно послѣ обзора всѣхъ органовъ и средствъ, служащихъ для веденія войскъ въ бою и на войнѣ.

Диспозиція есть видъ приказанія или, пожалуй, само приказаніе, отнесенное только къ извѣстнымъ случаямъ выраженія воли начальника. Она употребляется для установленія извѣстнаго порядка при движеніи, указанія порядка занятія позиціи для боя и атаки непріятельской позиціи. Диспозиція, какъ и всякое приказаніе, должна быть изложена ясно, кратко и опредѣленно. Въ каждомъ изъ видовъ дис-

позицій можно указать, на что слѣдуетъ обратить вниманіе; такъ, въ диспозиціяхъ для движенія необходимо помѣстить:

1) Цѣль и направленіе движенія, указавъ при этомъ, вкратцѣ, положеніе своихъ войскъ (на сколько это необходимо) и свѣдѣнія о неприятелѣ.

2) Распределеніе силъ отряда съ наименованіемъ частей и начальниковъ оныхъ—авангардъ, главные силы, арьергардъ.

3) Часъ выступленія колоннъ, а въ случаѣ движенія по нѣсколькимъ дорогамъ и способъ уравниенія движенія.

4) Пункты и время для приваловъ, обозначая послѣднее выраженіемъ: «до такого-то часа», въ виду сохраненія равномерности движенія колоннъ.

5) Направленіе развѣздовъ, съ подробнымъ указаніемъ пути ихъ свѣщаванія.

6) Распоряженіе объ обозѣ.

7) Мѣсто начальника во время движенія, въ виду своевременнаго полученія имъ донесеній.

Кромѣ изложеннаго, можетъ быть помѣщено въ диспозиціи и все то, что, по обстоятельствамъ, признано будетъ нужнымъ, но съ тѣмъ, чтобы ограничиться строго необходимымъ и относящимся до всѣхъ частей; въ противномъ случаѣ, для краткости и ясности диспозиціи, удобнѣе передать особое приказаніе тому, кому оное лично вѣдать надлежитъ. Это тѣмъ болѣе необходимо, что при длинныхъ диспозиціяхъ, при отдачѣ, напримѣръ, диспозиціи въ главной квартирѣ, положимъ, въ пять часовъ пополудни, для переписки ея потребуется часъ времени; для отсылки въ корпусную квартиру, расположенную, примѣрно, въ 30-ти верстахъ, что не рѣдкость, три часа; для отдачи соотвѣтствующихъ распоряженій по корпусу часъ времени; отсылка, переписка и передача исполнителямъ—часъ времени; такимъ образомъ, лица полевой, баталіонной и ротной администраціи, наиболѣе нуждающіяся въ отдыхѣ, получаютъ распоряженіе на слѣдующій день только въ двѣнадцать часовъ ночи, а до тѣхъ поръ, находясь въ неизвѣстности, не могутъ воспользоваться полнымъ отдыхомъ, да принимая во вниманіе, что на другой день придется встать рано, а потому нужно сварить пищу чуть свѣтъ, окажется, что и для этого времени недостаточно. Вообще позднее полученіе распоряженій вредно отзывается на спокойствіи отдыха всѣхъ лица отряда, такъ какъ люди засыпаютъ только тогда, когда знаютъ, что имъ предстоитъ завтра. Такимъ образомъ, оказывается, что, для сбереженія силъ людей, доставленіемъ имъ возможно спокойнаго отдыха, диспо-

зиции и вообще всякое приращиваніе должны быть, по возможности, заблаговременно отдаваемы, съ тѣмъ, чтобы они достигали къ частямъ вечеромъ, наканунѣ дня, къ которому они относятся. Ранѣе этого требовать присылки диспозицій невозможно, такъ какъ всякое приказаніе бываетъ основано преимущественно на вечернихъ донесеніяхъ, получаемыхъ отъ передовыхъ войскъ, а слѣдовательно, болѣе точныхъ и правильнѣе обрисовывающихъ обстановку, такъ какъ случаи ночныхъ передвиженій рѣдки.

Въ диспозиціяхъ для боя слѣдуетъ помѣщать:

1) Распределеніе силъ на позиціи—боевыя линіи и резервъ, причѣмъ мѣста для частей каждаго изъ родовъ оружія, находящихся въ непосредственномъ распоряженіи начальника, должно указать особо; такъ, отдавая диспозицію по корпусу, должно указать мѣста для дивизій, корпусной артилеріи и кавалеріи, мѣста же полковъ и артилеріи и кавалеріи, состоящихъ при дивизіяхъ, не должно указывать, такъ какъ это будетъ сдѣлано начальникомъ дивизіи, при ближайшемъ разсмотрѣніи мѣстности, назначенной для занятія дивизією; главнокомандующій, такимъ же образомъ, опредѣляетъ въ диспозиціи мѣста для корпусовъ и общаго резерва, предоставляя корпуснымъ командирамъ ближайшее распределеніе силъ корпуса при занятіи указанной мѣстности. Необходимость вышеназложеннаго слѣдуетъ изъ того, что при разнообразномъ и быстромъ намѣненіи обстановки боя и дѣйствій войскъ на мѣстности, болѣею частью весьма закрытой и пересѣченной, какъ оцѣнка мѣстности, такъ и веденіе самаго боя на извѣстномъ участіи должны быть предоставляемы частной инициативѣ, ограниченной только общимъ предположеніемъ и дѣйствіемъ въ связи съ другими частями. Последнее обстоятельство приводитъ къ необходимости дѣлить позицію на участки въ глубину и соответственно тому располагать войска, что, доставляя возможность управлять каждому частному начальнику своею частью, не лишая ихъ взаимной поддержки, проявляющейся, конечно, болѣе сильно между частями одного и того же корпуса, одной и той же дивизіи, полка, баталіона и роты. Соблюденіе принципа взаимной поддержки при занятіи позиціи или атакѣ позиціи непріятеля, есть условіе значительной важности, такъ какъ части, имѣющія сзади своихъ, будутъ, безъ сомнѣнія, драться и удерживаться до послѣдней возможности, надеясь, что свои ихъ не оставятъ и выручатъ въ трудную минуту.

2) О наблюденіи за флангами, въ виду обеспокоенія стража отъ обхода и нечаяннаго появленія какихъ либо, хотя и малыхъ непріятельскихъ частей.

3) Мѣста перевозочныхъ пунктовъ.

4) О высылкѣ развѣдочъ для освѣщенія мѣстности и развѣдыванія о непріятелѣ.

5) Распоряженіе объ обозѣ.

6) Мѣсто начальника во время боя.

Указаніе пути отступленія, какъ отзывающееся неблагопріятно на духъ войскъ, слѣдуетъ дѣлать словесно тѣмъ начальникамъ, кому это вѣдать надлежитъ.

Диспозиціи для боя должны быть изложены ясно, кратко и понятно, но въ нихъ, болѣе чѣмъ въ какихъ либо другихъ приказахъ, слѣдуетъ держаться разъ опредѣленной формы, чтобы войска могли къ ней привыкнуть, что устранить случаи пропусковъ распоряженій, въ особенности при передачѣ диспозицій въ цѣломъ видѣ, а не выписками изъ нихъ тѣхъ мѣстъ, которыя относятся къ известной части. Въ диспозиціи для боя, какъ и во всякомъ приказаніи, должно быть точно обозначено, когда, гдѣ и кѣмъ она отдана. Кроме того, въ ней, на заглавномъ листѣ, прописывается пароль, отзывъ и пропускъ, а у пруссаковъ, при диспозиціяхъ для движенія, указывается чертежемъ, на поляхъ ея, порядокъ слѣдованія частей. Последний способъ весьма хорошъ, такъ какъ даетъ наглядное представленіе о порядкѣ вытягиванія и слѣдованія частей, что часто устранить замѣшательства, такъ нерѣдко встрѣчающіяся въ этомъ случаѣ.

Инструкціи бываютъ словесныя и письменныя, составляя, въ томъ и другомъ случаѣ, выраженіе воли начальника, въ видѣ совѣта или указанія, необязательныхъ къ исполненію по буквѣ, но по духу.

Такимъ образомъ, инструкция, указывая или рекомендуя известный способъ дѣйствій, допускаетъ примѣненіе этого способа къ перемѣнамъ обстановки или даже полное его устраненіе въ виду положительно измѣнившихся обстоятельствъ; инструкция, ни къ чему положительному не обязывая, кромѣ достиженія конечной цѣли, предоставляетъ полный просторъ дѣйствіямъ и служитъ только совѣтомъ и указаніемъ болѣе опытнаго и знающаго начальника.

Несоблюденіе инструкціи не можетъ и не должно вести къ какой либо ответственности, если только упущенія не произошли по нерадѣнію или нерискованной цѣли; не то приказы, приказанія и диспозиціи, исполненіе которыхъ обязательно не только по духу, но и по буквѣ — по духу, при явномъ и положительномъ несоотвѣтствіи распоряженія съ окружающей обстановкой, причемъ начальникъ долженъ имѣть достаточно здраваго и воинскаго смѣлка для отличія истиннаго положенія отъ ложнаго, и достаточно мужества, чтобы принять послѣдствія,

происшедшія отъ измѣненія распоряженій, на себя; но будьтѣ, во всѣхъ прочихъ случаяхъ, гдѣ встрѣчается сомнѣніе, такъ какъ оно врагъ всякаго успѣха.

Личный примѣръ въ самые отдаленные вѣка былъ могучимъ средствомъ для вожденія войскъ въ бою, что происходило, какъ отъ невозможности управлять иначе массами, не имѣющими внутренней спайки, связи, основанной на дисциплинѣ, составляющей принадлежность хорошо организованной арміи; такъ и потому, что при развитіи гражданской доблести, являлось много лицъ, воодушевленныхъ патріотизмомъ, и желавшихъ служить примѣромъ для подчиненныхъ, въ большинствѣ случаевъ мало заинтересованныхъ въ полной побѣдѣ. Съ появленіемъ регулярныхъ армій, личный примѣръ является какъ самое рѣшительное и послѣднее средство для увлеченія массъ, и потому, сравнительно, рѣдко употребляется. Во времена тактики командной, гдѣ начальники, по существу строя, находились всегда впереди войскъ, личный примѣръ является опять весьма могучимъ и имѣющимъ частое примѣненіе. Съ утвержденіемъ тактики приказаній, до послѣднихъ войтъ, личный примѣръ хотя и служилъ средствомъ для вожденія войскъ въ бою, но употреблялся рѣдко и въ крайнихъ случаяхъ, какъ послѣдній способъ для достиженія труднаго предпріятія. Въ настоящее время, при губительномъ дѣйствіи ручнаго огнестрѣльнаго оружія и артиллеріи, когда всякое движеніе впередъ изъ за закрытій представляетъ значительную опасность, когда штыковая атака сдѣлалась достояніемъ только войскъ отлично дисциплинированныхъ, храбрыхъ и одушевленныхъ жаждою успѣха во чтобы то ни стало и, наконецъ, когда свойства того же оружія и мѣстности, болѣею частью пересѣченной и закрытой, вынуждаютъ къ дѣйствію разсыпнымъ строемъ, гдѣ дисциплина и связь между частями ослабѣваютъ, — личный примѣръ является опять могучимъ средствомъ для вожденія войскъ въ бою, въ особенности, если принять во вниманіе сознаніе массъ, что начальникъ, обязанный служить подчиненнымъ во всемъ примѣромъ, не долженъ уклоняться отъ него и въ этомъ случаѣ; кто хочетъ достигнуть хорошихъ результатовъ, пусть покажетъ, что не жалѣетъ силъ и готовъ пожертвовать жизнью, и всѣ за нимъ послѣдуютъ. Надо замѣтить, что личный примѣръ проявляется въ арміяхъ, воодушевленныхъ патріотизмомъ, высокимъ понятіемъ о военной чести и религію. Военная исторія представляетъ много разнообразныхъ примѣровъ въ этомъ родѣ: въ наемныхъ арміяхъ мы почти никогда не видимъ проявленія личной доблести въ начальникахъ, что объясняется не желаніемъ людей, видящихъ въ военной службѣ професію, дающую имъ средства

обогатиться или жить безбѣдно—жертвовать жизнью; личная доблесть въ *опычныхъ арміяхъ* могла проявляться только у главныхъ начальниковъ, такъ какъ они были заинтересованы въ побѣдѣ.

Личная доблесть, требуемая нынѣшнимъ способомъ веденія боя, основывается болѣе на строгомъ исполненіи долга, на военной чести и сознании необходимости быть впереди, чтобы своимъ примѣромъ подавить или, по крайней мѣрѣ, ослабить страшный моральный гнетъ, возбуждаемый дѣйствіемъ скорострѣльнаго оружія.

IV.

ФОРМА И СОДЕРЖАНІЕ ПРИКАЗАНІЙ.

Приступая къ разсмотрѣнію содержанія и формы приказаній вообще, какъ словесныхъ, такъ и письменныхъ, отдаваемыхъ всякимъ начальникомъ въ бою и на войнѣ, будетъ ли то диспозиція или просто приказаніе, при обстановкѣ спокойной и, относительно, краткомъ времени, оцѣниваемомъ иногда минутами и даже секундами, должно замѣтить, что эти приказанія заключаютъ въ себѣ и всѣ предъидущіе виды выраженія воли начальника; но такъ какъ мы прежде разсмотрѣли форму и содержаніе ихъ въ частныхъ случаяхъ, то теперь является необходимость выяснить, чему должно удовлетворять всякое приказаніе вообще.

Нельзя вообще допустить, чтобы какое либо изъ приказаній, отдаваемыхъ на войнѣ и въ бою, относящееся до вожденія войскъ, можно было считать за маловажное; всѣ приказанія, отдаваемые въ этомъ случаѣ, на столько важны и серьезны, что малѣйшая неточность, недомолвка или неясность могутъ быть причиной неудачи и даже пораженія.

Важное приказаніе, словесное или письменное, должно быть отдано ясно, кратко и опредѣленно; *ясность* необходима для полного пониманія воли начальника, выраженной въ приказаніи; *краткость* служитъ вѣрною гарантіею того, что получившій приказаніе прочтетъ его съ полнымъ вниманіемъ и вдумается въ него, потому что не будетъ утомленъ продолжительнымъ напряженіемъ мысли; кромѣ того, гонимый за мелочами, можно ватемнить или даже вовсе упустить главное; *опредѣленность* необходима для избѣжанія двусмысленныхъ выраженій, могущихъ привести къ гибельнымъ послѣдствіямъ, чему служитъ примѣромъ приказаніе, отданное Наполеономъ въ день сраженія при Ватерлоо. Корпусъ Эрлона для атаки долженъ былъ построиться въ дивизионныхъ колоннахъ, но такъ какъ въ приказаніи

было сказано, что корпусъ строится en colonnes par divisions (слова, означающія и колонну изъ дивизии, и дивизионную колонну), то Эрлонъ и выстроилъ свой корпусъ въ колоннахъ по дивизіямъ, поставивъ въ каждой дивизіи развернутые баталіоны одинъ за другимъ. Разумѣется, такая неповоротливая масса не могла произвести атаку надлежащимъ образомъ, потому что терѣла страшно отъ огня — атака была отбита и потеряна послѣдняя надежда на побѣду. Вотъ еще примѣръ изъ кампаніи 1866 года, показывающій, на сколько слѣдуетъ быть точнымъ при отдачѣ приказаній. Фельдмаршалъ-лейтенантъ фонъ-Габленцъ, въ концѣ боя при Траутенау, получилъ извѣстіе, что одной бригадѣ приказано перейти изъ Кенигсгофена къ Праусниццу, чтобы служить какъ для прикрытія его праваго фланга, такъ и для обезпеченія отступленія корпуса и принятія его на себя, въ случаѣ потери сраженія. Приказаніе это было исполнено, но когда генералъ фонъ-Габленцъ на другой день отступилъ къ Оберъ-Праусниццу, то не нашелъ тамъ бригады Внуга, такъ какъ она находилась въ Нидеръ-Праусницѣ. Это произошло вслѣдствіе неуказанія, въ приказаніи именно Праусницѣ расположить бригады (ихъ два, Оберъ и Нидеръ-Праусницъ, расположенные въ нѣсколькихъ верстахъ другъ отъ друга). Конечно, въ данномъ случаѣ это не привело къ дурнымъ послѣдствіямъ, потому что дѣло подъ Траутенау было выиграно Габленцомъ, иначе это недоразумѣніе могло и, вѣроятно, привело бы къ катастрофѣ съ корпусомъ, какъ вслѣдствіе того, что въ самый нужный моментъ бригады, на которую онъ рассчитывалъ, не оказалось бы, такъ и потому, что, имѣя свяди означенную бригаду, генералъ Габленцъ могъ вести болѣе упорный бой и тѣмъ чрезвѣрно ослабить себя.

Требованія ясности, краткости и опредѣленности показывать, что во всякомъ приказаніи должна быть поставлена только цѣль или предметъ дѣйствій; вдаваться же въ указаніе подробностей исполненія не слѣдуетъ, какъ потому, что всѣхъ случаевъ, могущихъ встрѣтиться, не перечтешь, такъ и потому, что исполнителю будетъ лучше видно на мѣстѣ, что пригодно и что нѣтъ.

Отдавая командиру полка приказаніе, занять такую-то деревню и держаться въ ней во что бы то ни стало, должно только этикетъ и ограничиться; чѣмъ и какъ онъ это сдѣлаетъ, пошлетъ ли одинъ, два баталіона или цѣлый полкъ, атакуетъ ли съ фронта, фланговъ, въ томъ и другомъ порядкѣ — все равно, лишь бы цѣль была достигнута и дѣло сдѣлано. Но тутъ является вопросъ: если встрѣтятся дурной исполнитель, какъ тогда поступить? Намъ кажется, что и

такого слѣдуетъ предоставить собственной иниціативѣ, потому что, нагруженный ручею совѣтовъ и указаній, онъ или не пойметъ ихъ, или не сумѣетъ примѣниться къ обстановкѣ, а о своемъ, какъ бы оно дурно ни было, и не подумаетъ, и потому дѣла не сдѣлаетъ, а получитъ только возможность, въ случаѣ неудачи, сослаться на данныя ему совѣты, и тѣмъ, какъ бы сложить съ себя вину. Собственная выдумка, какъ бы она проста ни была, имѣетъ, по крайней мѣрѣ, за собою то, что она будетъ энергически исполняема, а тогда успѣхъ болѣе чѣмъ вѣрооятенъ, потому что трудно допустить, чтобы начальникъ не имѣлъ никакого понятія объ окружающей его обстановкѣ и не зналъ важнѣйшихъ свойствъ каждаго изъ родовъ оружія и соотвѣтственнаго ихъ употребленія.

Форма письменныхъ приказаній имѣетъ существенное значеніе какъ въ отношеніи удобства отысканія распоряженія, относящагося къ извѣстной части или роду оружія, такъ и въ отношеніи удобства контроля передачи и полученія приказаній. Въ первомъ случаѣ требуется, какъ то объяснено для диспозицій, излагать приказаніе по пунктамъ, если оно довольно длинно и разнообразно и относится къ нѣсколькимъ частямъ, потому что тогда всякому лицу или части будетъ легко отыскать распоряженіе, прямо къ нимъ относящееся, но при этомъ приказаніе должно доходить до частей не въ видѣ выписокъ пунктовъ, до нихъ касающихся, а вполне, что необходимо для соображеній и болѣе яркой обрисовки обстановки для каждаго изъ частныхъ начальниковъ; — всякій изъ нихъ долженъ знать, что у него впереди, въ тылу и на флангахъ. Во второмъ случаѣ необходимо, чтобы на каждомъ приказаніи было указано когда, гдѣ и къ кому оно отдано, и чтобы форма ихъ была удобна для отсылки въ части, а въ важныхъ случаяхъ — для укрытія и уничтоженія, въ случаѣ захвата посланнаго неприятелемъ. Сверхъ того, въ приказаніяхъ, посылаемыхъ черезъ ординарцевъ, обозначается куда и черезъ какіе пункты или урочища оно должно быть доставлено. Разсматривая содержаніе и форму приказаній, нельзя не остановиться на сравненіи приказаній словесныхъ и письменныхъ. Нѣтъ сомнѣнія, что должно отдавать предпочтеніе приказаніямъ письменнымъ, потому что они, отличаясь всегда болѣею ясностью и опредѣлительностью, что обуславливается привычкой большинства людей относиться строже къ написанному, чѣмъ къ объявленному словесно, служатъ, при соблюденіи извѣстныхъ формъ, какъ оправданіемъ, такъ и обвиненіемъ отдающаго и получающаго приказаніе, оставляя по себѣ вещественное доказательство своевременности и правильности распоряженія, съ одной стороны, и времени

полученія, съ другой. Словесное приказаніе можетъ быть передано ясно; оно можетъ быть не вполне понято, даже отчасти забыто и переименовано ординарцемъ и, наконецъ, можетъ быть вовсе не доставлено по принадлежности; тогда трудно найти виновнаго, потому что отдающій, передающій и получающій приказаніе или, если оно отдается начальникомъ кому либо лично, отдающій и получающій, будутъ ссылаться другъ на друга и невозможно будетъ отыскать виновнаго и виновнаго. Совсѣмъ не то письменное приказаніе, оставляющее вещественное доказательство: отдачи приказанія—въ письменномъ изложеніи распоряженія; передачи—въ отбитіи времени полученія, и принятія—въ видѣ росписки; подобныя условія не могутъ привести къ недоразумѣніямъ и отговоркамъ, а прямо укажутъ кто правъ, кто виноватъ.

На основаніи вышесказаннаго, необходимо признавать пользу отдачи большинства приказаній письменною, именно, гдѣ только это окажется возможнымъ, употребляя словесныя въ случаяхъ наложившихъ, такъ какъ потеря времени на написаніе приказанія вознаграждается сторицею, оградивъ начальника и войска отъ множества случайностей, сопряженныхъ съ отдачею словесныхъ приказаній и ведущихъ часто къ недоразумѣніямъ, упущеніямъ, а иногда и къ потерѣ сраженія.

V.

ОРГАНЫ И СРЕДСТВА, СЛУЖАЩІЕ ДЛЯ ПЕРЕДАЧИ ПРИКАЗАНІЙ И ДОНЕСЕНІЙ.

Къ числу органовъ и средствъ, служащихъ для передачи приказаній и донесеній, должно отнести: а) офицеровъ генеральнаго штаба, б) адъютантовъ, в) ординарцевъ, г) телеграфъ, д) почту, ж) воздушные шары и з) почтовыхъ голубей.

а) *Офицеры генеральнаго штаба.* Кромѣ главнаго своего назначенія быть помощниками, частью исполнителями и вообще облегчать управленіе войсками, офицеры генеральнаго штаба, впрочемъ, преимущественно, въ младшихъ чинахъ, служатъ для передачи приказаній и донесеній какъ письменныхъ, такъ и словесныхъ, но въ особенности послѣднихъ и болѣе важныхъ, такъ какъ родъ службы и вся подготовка означенныхъ офицеровъ гарантируетъ передачу приказаній по назначенію и въ надлежащей формѣ. Вообще, передача приказаній и донесеній черезъ офицеровъ генеральнаго штаба должна быть дѣлаема только въ случаяхъ важныхъ, требующихъ, иногда, не только передачи приказанія, но и соображенія о необходимости его

назначенія до нѣкоторой степени, въ зависимости отъ окружающей обстановки. Передача важныхъ словесныхъ приказаній и донесеній офицерами генеральнаго штаба удобна еще и потому, что большинство означенныхъ офицеровъ, приходя въ частое соприкосновеніе со многими частями и лицами, лично имъ известны, а это должно признать существеннымъ условіемъ для устранения недоразумѣній. Допустимъ, напримеръ, что начальникъ дивизіи получаетъ приказаніе отъ лица, лично ему неизвѣстнаго, подлежащаго еще серьезнѣйшю исполненію и бытъ полученное такимъ образомъ приказаніе или нѣтъ; означенное приказаніе можетъ идти въ разрѣзъ съ только что передъ этимъ полученнымъ распоряженіемъ, да, наконецъ, оно можетъ совершенно не отвѣчать общему плану. Все это приведетъ къ тому, что начальникъ дивизіи или вовсе не исполнитъ означеннаго приказанія или пожелаетъ кого либо изъ приближенныхъ лицъ удостовѣриться въ его действительности, а следовательно, потеряетъ много времени и, быть можетъ, упуститъ удобный моментъ для исполненія, отъ котораго будетъ зависеть успѣхъ или поражение.

б) *Адъютанты*, какъ состоящіе при штабахъ и управленіяхъ, такъ и лично, служатъ органами для передачи приказаній, но болѣе тѣмъ частямъ и лицамъ, которыя находятся въ прямомъ подчиненіи тому начальнику, при которомъ состоятъ и адъютантъ. Это вытекаетъ изъ необходимости передавать приказанія черезъ извѣстныхъ лицъ. Такимъ образомъ, для адъютанта, состоящаго въ высшей инстанціи, кругъ передачи приказаній будетъ весьма широкъ; онъ будетъ суживаться, соотвѣтственно пониженію инстанцій. Отсюда вытекаетъ необходимость, для наждаго частнаго начальника, знать адъютантовъ въ высшихъ инстанціяхъ, дабы впоследствии не могло возникнуть недоразумѣній.

в) *Ординарцы*. При измѣняющихся способахъ и средствахъ для веденія войны и боя, весьма разнообразныхъ и измѣнчивыхъ, вызывающихъ безконечно быстрыя измѣненія въ обстановкѣ, которая, въ свою очередь, требуетъ множества приказаній и донесеній, отнѣсь и переимѣй ихъ, главному начальнику для того, чтобы слѣдить за обстановкою боя и сообразно тому приготовиться къ отраженію случайностей, необходимо имѣть достаточное число лицъ для передачи множества своихъ распоряженій, а также и для полученія столькихъ же донесеній.

Для этого офицеровъ генеральнаго штаба въ младшихъ чинахъ и адъютантовъ будетъ весьма недостаточно, а потому является потребность привлечь къ этому дѣлу и строевыхъ офицеровъ-ординарцевъ.

Ординарцами назначаются, преимущественно, кавалерійскіе офицеры, которые и прикомандировываются къ штабамъ, управленіямъ и къ высшимъ начальникамъ.

Отъ всѣхъ лицъ, назначаемыхъ для передачи приказаній въ бою и на войнѣ, требуется: *смелая и лихая пѣда саржема*; *малое умѣнье ориентироваться* на мѣстности, по плану или даме боевъ него, но разнымъ прикѣтамъ и указаніямъ жителей; *достаточная острота наблюдательности*, при умѣньи составить правильное заключеніе о видѣномъ, дабы дать точный и обстоятельный отчетъ какъ объ этомъ, такъ и о предполагаемомъ по разнымъ прикѣтамъ начальникамъ, къ которому онъ посланъ, и по возвращеніи, посланному его; *ловкость и изобрѣтательность въ опасныхъ случаяхъ*, при достаточной осторожности, напримѣръ, при проѣздѣ по мѣстности, небезопасной отъ неприятеля, необходимы: предосторожность, чтобы не попасться въ плѣнь; хитрость, чтобы обмануть бдительность неприятеля, и ловкость и изобрѣтательность, чтобы своевременно скрыть или уничтожить доверенный документъ, если посланный съ нимъ будетъ задержанъ; наконецъ, *важный изъ нихъ долженъ имѣть не менее двухъ, да еще трехъ лошадей*, для обезпеченія возможности исполнять эту службу, потому что одна лошадь, какъ бы она крѣпка и вынослива ни была, не въ состояніи выдержать, въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ и даже недель, необходимаго въ этомъ случаѣ гона. Последняя франко-прусская война 1870 и 1871 годовъ вполнѣ доказываетъ справедливость этого подосновія, и дѣйствительно, мы видимъ, что почти всѣ лица, исполнявшія ординарческую службу, имѣли по нѣскольку лошадей, болѣею частью по три, что признавалось вполнѣ достаточнымъ.

Безъ сомнѣнія, въ случаѣ недостатка офицеровъ для исполненія ординарческой службы, что легко можетъ встрѣтиться, потому что невозможно отрывать слишкомъ много офицеровъ отъ строя, безъ ущерба развѣдывательной и охранительной службъ и вообще внутреннему порядку части, придется назначать унтеръ-офицеровъ, но при условіи возможно полнаго удовлетворенія или вышеприведенныхъ требованій и только для передачи письменныхъ приказаній, такъ какъ поручать имъ передачу словесныхъ приказаній было бы, по меньшей мѣрѣ, небезопасно.

Сознавая необходимость имѣть во время войны достаточно число офицеровъ, ознакомленныхъ съ ординарческою службою, приходится позаботиться объ этомъ и въ мирное время, что отчасти и достигается прикомандированіемъ кавалерійскихъ офицеровъ, въ необходимомъ

числѣ; на время маневровъ, къ главнымъ распорядителямъ и къ другимъ высшимъ начальникамъ, а также привлеченіемъ кавалерійскихъ офицеровъ къ полевымъ поѣздамъ офицеровъ генеральнаго штаба и назначеніемъ ихъ для обрѣсконосцировокъ болѣе или менѣе значительныхъ участіевъ, въ районѣ предполагаемыхъ маневровъ.

г) *Телеграфы*. Важное значеніе телеграфовъ для военнаго дѣла вполнѣ выяснилось только при употребленіи ихъ на театрѣ войны, какъ связи главной квартиры съ центромъ государства, средоточіемъ воѣхъ средствъ, необходимыхъ для арміи, и какъ связи главной квартиры же съ управленіями подчиненныхъ армій, корпусами и дивизіями. Значеніе телеграфовъ, какъ связи главной квартиры съ центромъ государства, многими признается вреднымъ; приводятъ примѣръ преждевременнаго штурма Севастополя, и полагаютъ, что быстрота передачи распоряженій можетъ породить желаніе управлять арміями изъ столицы, значительно удаленной отъ театра войны. Неудобное возвращеніе не имѣетъ существеннаго значенія, если главнокомандующему будетъ предоставлена власть въ предѣлахъ, указанныхъ нами выше; да и военная исторія показываетъ, что, не смотря на это кажущееся неудобство, телеграфъ приобрѣлъ въ послѣдніа кампаніи громадное значеніе, на примѣръ, въ войну за нераздѣльность Северо-Американскаго Союза, а въ особенности въ франко-прусскую войну 1870—1871 годовъ. Относительно выгодъ и удобствъ сношеній по телеграфу главной квартиры съ подчиненными частями и эскадрами и обратно, принимая во вниманіе быстроту передачи распоряженій, сравнительно со всѣми другими способами, не можетъ быть никакихъ сомнѣній.

Признавалъ такимъ образомъ всѣ выгоды и удобства сношеній главной квартиры съ подчиненными частями посредствомъ телеграфа, должно замѣтить, что и въ этомъ случаѣ встрѣчаются затрудненія, зависящія исключительно отъ несовершенства устройства его въ техническомъ отношеніи; такъ, всѣ существующія системы устройства телеграфныхъ проводовъ и другихъ принадлежностей военнаго телеграфа, не позволяютъ достаточно скоро устранять линіи, — а потому, при быстрыхъ передвиженіяхъ, войска врядъ ли могутъ вполнѣ пользоваться телеграфнымъ сообщеніемъ. Впрочемъ, предлагаемыя и частью принятые изолированныя проводники могутъ устранить это неудобство, въ особенности, если достигнуть возможности разматывать ихъ со скоростью движенія войскъ и придадутъ имъ необходимую прочность съ тѣмъ, чтобы проводники выдерживали давленіе самыхъ тяжелыхъ повозокъ, удары копытъ и не портились отъ атмосферическихъ вліяній. При блокадахъ и осадахъ крѣпостей телеграфное сооб-

щеніе между частями осаднаго корпуса приобретаетъ особенную важность и значеніе потому, что доставляетъ возможность быстро сосредоточиваться на угрожаемомъ пунктѣ, а слѣдовательно, производить, при совѣстномъ вліяніи линій укрѣпленій, осаду или блокаду сравнительно незначительными силами. Мы видимъ, что подъ Мецомъ сначала 110,000, а потомъ до 150,000 человекъ нѣмцевъ держатъ въ блокадѣ до 170,000 чел. французовъ; подъ Парижемъ, 200,000 держатъ въ блокадѣ 300,000. При передачѣ приказаній по телеграфу въ томъ случаѣ, если линія небезопасна отъ нападенія летучихъ отрядовъ непріятеля, да и вообще для сохранения тайны, можно передавать распоряженія посредствомъ шифрованныхъ депешъ, къ которымъ былъ бы извѣстенъ вышнимъ начальникамъ. Какъ называется военная исторія, перехватъ нешифрованныхъ депешъ летучими отрядами возможенъ даже безъ захвата или возни съ собою телеграфнаго аппарата для приѣма, единственно съ помощью чувства языка. Въ войну за неравдѣльность Союза, въ 1861—1865 годахъ, извѣстный партизанъ юга Морганъ, въ своихъ смѣлыхъ набѣгахъ, перехватилъ множество депешъ сѣверянъ, прибѣгая для этого къ захвату станцій, къ употребленію вознаго съ собою аппарата для приѣма депешъ и даже къ приѣму депешъ языкомъ, различая буквы по отбѣлкамъ опущенія вкуса, производимаго электрическимъ токомъ. Все это, конечно, не могло не отражаться вредно на предпріятіяхъ федералистовъ. Отсюда дѣлается очевиднымъ, что употребленіе телеграфа для военныхъ цѣлей, на театрѣ войны, можетъ принести громадную пользу только при соблюденіи извѣстныхъ правилъ передачи посредствомъ него приказаній, что мы и рассмотримъ въ своемъ мѣстѣ.

Случаясь употребленія телеграфа во время боя для передачи приказаній мы не встречаемъ, что происходитъ какъ отъ сущности самаго устройства телеграфа: сложности матеріальной части, необходимости устройства станцій и легкой возможности его поврежденія, такъ и вслѣдствіе быстро измѣняющейся обстановки, не позволяющей опредѣлить, гдѣ это сообщеніе должно быть устроено.

Вмѣсто электрическаго телеграфа, нѣкоторые предлагаютъ устраивать во время боя телеграфъ оптический, употребляя для этого условные сигналы, днемъ цѣпты и окрашенныя дощечки, а ночью фонарь Шпаковского или вообще свѣтъ.

Телеграфъ этотъ, не имѣя сложной матеріальной части и не требуя много времени для его устройства, готовъ во всякую минуту, для чего стоитъ только указать мѣста для сигналистовъ, избравъ ихъ на

какомъ-либо возвышеніи, и затѣмъ передавать приказанія. Хотя это справедливо, но сигналисты, за дымомъ и находясь подъ впечатлѣніемъ потрясающей обстановки, легко могутъ не увидѣть сигнала или же понять его неправильно, а тогда, вмѣсто пользы, телеграфъ причинитъ громадный вредъ. На этомъ основаніи слѣдуетъ пока еще отказаться отъ мысли передавать приказанія во время боя по телеграфу, хотя въ будущемъ это нельзя считать неисполнимымъ.

Почта. Рассматривать почту, какъ средство для передачи приказаній, не принимая во вниманіе желѣзныхъ дорогъ, невозможно, а потому рассмотримъ ихъ совмѣстно.

Почта, какъ средство для передачи приказаній, конечно, можетъ быть употребляема только на театрѣ войны. (Подъ почтой мы понимаемъ здѣсь существующее въ государствѣ почтовое учрежденіе, а не почту, устраиваемую самими войсками). Употребленіе ее для этой цѣли весьма ограничено, какъ по ненадежности вообще этого средства, такъ и по причинѣ рѣдкаго его примѣненія на войнѣ, и то только въ случаяхъ маловажныхъ, потому что трудно довѣрить передачу приказаній, отъ которыхъ можетъ быть зависеть побѣда, а слѣдовательно и исходы кампаній, учрежденію, составленному изъ лицъ не военныхъ, а потому и не сознающихъ всей важности значенія быстроты и точности въ этомъ дѣлѣ. Кроме того, при передачѣ приказаній по почтѣ, всякое приказаніе явится съ надписью: весьма нужное, экстренно, нужное и т. п., такъ что и при желаніи почтоваго вѣдомства отдать предпочтеніе болѣе важнымъ приказаніямъ, оно этого не въ состояніи будетъ сдѣлать.

Все сказанное нами о почтѣ относится, конечно, до почтъ въ своей странѣ; въ странѣ же непріятельской, гдѣ весь персоналъ почтоваго вѣдомства намъ враждебенъ, употребленіе ея для этой цѣли, разумѣется, немислимо. Если почта и желѣзныя дороги могутъ чѣмъ-либо способствовать для передачи приказаній, такъ это доставленіемъ возможности болѣе удобной, а по желѣзнымъ дорогамъ и болѣе быстрой, доставки приказаній, посылаемыхъ съ нарочью отправленными для того курьерами.

Летучая почта. Для быстрой передачи приказаній, при наличіи телеграфа или невозможности установить его съ требуемою скоростью въ районѣ расположенія арміи, удобно устраивать летучую почту, заключающуюся въ нѣсколькихъ станціяхъ, составленныхъ изъ кавалеристовъ—между главной квартирой и корпусами, корпусами и дивизіями и болѣе мелкими частями.

Примѣръ устройства подобной почты мы видимъ въ послѣднюю

франко-прусскую войну 1870—1871 годовъ, гдѣ при значительныхъ разстояніяхъ между главной квартирой и корпусными штабами, были организованы станции, состоявшія изъ нѣсколькихъ человѣкъ кавалеристовъ, на хоренныхъ лошадяхъ. Почта эта дѣйствовала быстро и правильно, чему способствовали небольшія разстоянія между станціями, дававшія возможность передавать приказанія на самыхъ быстрыхъ аллюрахъ.

Какъ кажется, устройство летучей почты будетъ возможно и удобно и во время большихъ сраженій, такъ какъ имѣя повсюду изюгда растягиваются по фронту на нѣсколько десятковъ верстъ; въ послѣднюю франко-прусскую войну корпусъ Вердера у Монбелъяра занималъ по фронту 35 верстъ.

Воздушный шаръ. Значеніе воздушнаго шара, какъ средства для передачи приказаній въ бою и на войнѣ, не вплоть еще выяснилось. Въ періодъ революціонныхъ войнъ онъ былъ употребленъ для разведывательныхъ и наблюденій за неприятелемъ, причемъ, оказавъ немало услугъ; такъ, въ сраженіи при Флеруасѣ, капитанъ аэронавтовъ Бюнель наблюденіемъ съ шара доставлялъ все свѣдѣнія о движеніи неприятеля и тѣмъ способствовалъ одержанію победы. Во время войны за независимость Союза Сѣверо-Американскихъ Штатовъ воздушный шаръ служилъ для разведывательныхъ, а въ послѣднюю франко-прусскую войну онъ употреблялся какъ средство для смѣшенной блокированныхъ городовъ, Меца и Парижа, со стороны.

Собственно же примѣръ передачи приказаній съ воздушнаго шара мы встрѣчаемъ одинъ, именно въ войну за независимость Союза, во время похода Макъ-Клелана въ Виргинію въ 1862 году, гдѣ съ шара, капитанаго (привязаннаго), поднятаго на высоту нѣсколькихъ десятковъ сажень, подавали сигналы частямъ арміи, раскинутой на большомъ пространствѣ.

Касательно передачи приказаній съ воздушнаго шара во время боя, военная исторія не представляетъ примѣровъ; во всякомъ случаѣ, вопросъ объ употребленіи воздушнаго шара во время боя для передачи приказаній сводится къ вопросу объ оптическомъ телеграфѣ, который, вслѣдствіе указанныхъ нами недостатковъ, едва ли найдетъ примѣненіе въ бою. Кроме того, воздушный шаръ легко можетъ быть поврежденъ выстрѣлами неприятеля, что уже одно много мѣшаетъ его употребленію. Существенная причина, затрудняющая употребленіе воздушнаго шара для передачи приказаній вообще, заключается въ невозможности управлять его движеніемъ: онъ подчиняется движенію или теченію воздуха, а также направленію вѣтра. Когда задача управ-

лешя шаремъ будетъ рѣшена, тогда, вѣроятно, окажется возможнымъ употребить его для передачи приказаній.

Голубиная почта. Въ послѣднюю франко-прусскую войну 1870—1871 годовъ, Парижъ, находясь въ изолированномъ и исключительномъ положеніи, будучи совершенно отрѣзанъ отъ сообщеній со стра-ною и съ остальнымъ міромъ, прибѣгнувъ для полученія свѣдѣній и корреспонденцій къ почтовымъ голубямъ, отправляемымъ предвари-тельно на воздушныхъ шарахъ. Почтовый голубь—это особая порода голубей, обладающая значительной силой и быстротой полета. Упо-требленіе ихъ для посылокъ основано на семейныхъ привязанностяхъ и умѣемъ ориентироваться, что достигается особой дрессировкой. Поч-товые голуби, вывезенные изъ Парижа въ Шалонъ или въ другое мѣсто и спущенные тамъ, возвращаются обратно въ Парижъ, т. е. къ мѣсту своей голубятни. На этомъ свойствѣ почтовыхъ голубей основана голубиная почта. Въ отношеніи рассматриваемаго нами во-проса, голубиная почта имѣетъ примѣненіе только въ крѣпостной вой-нѣ, такъ какъ комендантъ крѣпости, въ случаѣ полной блокады, по-средствомъ почтовыхъ голубей, можетъ получать распоряженія главно-командующаго или правительства, и вообще свѣдѣнія о ходѣ военныхъ дѣйствій.

Въ настоящее время, вопросъ о голубиной почтѣ признанъ на столько важнымъ, что во Франціи и Германіи, въ послѣдней въ Бельгій, Кобленцѣ и Майнцѣ (*) учреждены особыя голубятни для дрессировки почтовыхъ голубей, съ тѣмъ, чтобы, въ случаѣ войны, крѣпости, обитавшіе голубями, могли имѣть непрерывное сношеніе, даже при полной блокадѣ, какъ между собою, такъ и съ центромъ государства.

VI.

ОТДАЧА ПРИКАЗАНІЙ.

При отдачѣ письменныхъ приказаній вообще слѣдуетъ придержи-ваться разсмотрѣнныхъ нами правилъ, имѣть въ виду: краткость, ясность и опредѣленность ихъ въ отношеніи содержанія; сохраненіе известной формы, при наложеніи по пунктамъ; обозначенію мѣста и времени отдачи, а также оставленію у себя отгѣтки, какъ о содер-жаніи, такъ и о времени и мѣстѣ отдачи приказанія.

При отдачѣ словеснаго приказанія тому лицу, къ кому оно не-

(*) Въ 1874 году и у насъ въ Варшавѣ устроена первая голубиная станція.

посредственно относится, сверхъ требованія ясности, краткости и опредѣленности приказанія, необходимо, чтобы оно было отдано съ полнымъ спокойствіемъ и самообладаніемъ, а также съ должною энергією, что внушаетъ подчиненному увѣренность въ разумности приказанія, не возбуждая въ немъ суетливости и горячности, столь вредныхъ, когда дѣло идетъ объ исполненіи боевыхъ задачъ.

Начальникъ, отдающій приказаніе ясно, спокойно и энергично, можетъ надѣяться на такое же исполненіе; потому что ничто такъ сильно не отражается на подчиненныхъ, какъ состояніе духа начальника—правдивое проявленіе его воли. Смѣло можно повторить, вмѣстѣ съ однимъ нашимъ военнымъ писателемъ: «скажи мнѣ, какъ ты отдашь приказаніе, а я тебѣ скажу, каково будетъ исполненіе». При отдачѣ словеснаго приказанія черезъ ординарцавъ, необходимо соблюденіе тѣхъ же правилъ, потому что это отразится, какъ на принимающемъ его, такъ и, черезъ посредство его, на исполнителѣ. Получивъ приказаніе ясное, краткое, опредѣленное и отданное спокойно и энергично, передающій изложитъ его въ томъ же видѣ и исполнителю, а потому со стороны послѣдняго получится и соответственное исполненіе.

Отдавая приказаніе, всякій начальникъ долженъ наблюдать, чтобы оно, по возможности, отвѣчало силамъ исполнителя, потому что ничего не можетъ быть опаснѣе, какъ нарушеніе исполненія важнаго приказанія лицу, не отвѣчающему этому назначенію. Въ третій день сраженія подъ Лейцигамъ, въ 1813 году, Наполеонъ I, вынужденный къ отступленію, приказавъ взорвать мостъ на Эльбѣ, какъ только пройдетъ черезъ него корпусъ Понятовскаго, прикрывавшій отступленіе. По недоразумѣнію ли или просто потому, что капитанъ, назначенный для этого, считалъ это дѣло не важнымъ, исполненіе приказанія было возложено на унтеръ-офицера, который, не выждавъ перехода корпусовъ Ренье и Понятовскаго, такъ какъ ему, при быстромъ отступленіи этихъ частей, показавось, что непріятель уже у моста, подавъ сигналъ для взрыва, и такимъ образомъ отрѣзалъ часть корпуса Ренье и весь корпусъ Понятовскаго. Французы бросались въ воду, желая достигъ противоположнаго берега; но снесенные быстрыми теченіемъ и подъ давленіемъ значительной тяжести снаряженія, многіе потонули, въ числѣ ихъ и самъ Понятовскій; остальные сдались въ плѣнъ.

Для правильнаго и энергическаго исполненія еще не достаточно, если приказаніе ясно, кратко и опредѣленно и отдано спокойно и энергически; необходимо, чтобы оно было отдано и въ порядкѣ ма-

степенности, т. е. не перескакивало бы ни одной ступени той военно-иерархической лѣстницы, которая существуетъ въ арміи. Допуская отдачу приказанія какому либо лицу помимо прямаго его начальника, мы тѣмъ слагаемъ съ послѣдняго долю отвѣтственности въ извѣстномъ предпріятіи и вмѣшиваемся въ чужія дѣла, чѣмъ можемъ подорвать связь въ воинскомъ организмѣ, потому что нарушаемъ основной внутренней порядокъ, на которомъ держится армія, подрываемъ авторитетъ власти прямаго начальника, а слѣдовательно, причиняемъ разладъ и недоразумѣнія. Такъ, если начальникъ дивизіи отдаетъ приказаніе баталіонному командиру, помимо командира полка, то, устранивъ, такимъ образомъ, послѣдняго отъ извѣстной доли законной отвѣтственности за правильное исполненіе распоряженія, онъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, вредитъ дѣлу, потому что командиръ полка могъ рассчитывать на этотъ баталіонъ для другого дѣла, а тутъ, когда онъ понадобился, его не отыщется на указанномъ мѣстѣ.

Конечно, бываютъ случаи, когда приходится передать приказаніе части и помимо непосредственнаго начальника, но въ такомъ случаѣ благоразуміе требуетъ тотчасъ же увѣдомить его объ этомъ, потому что нѣтъ болѣе сильнаго нарушенія воинскаго порядка, какъ ховяйничанье въ части, гдѣ командиръ есть полный и непосредственный отвѣтчикъ и распорядитель.

Начальникъ дивизіи, вмѣшивающійся въ частныя распоряженія командира полка, входитъ какъ бы въ его роль и, какъ говоритъ маршалъ Бюжо, «онъ перестаетъ править, а принимается везти, будучи между тѣмъ поставленъ не для послѣдняго, а для перваго».

Примѣромъ, во что можетъ обойтись неисполненіе правила отдачи приказанія въ порядкѣ постепенности, служитъ распоряженіе Наполеона I въ день сраженія при Линьи и Катръ-Бра, переданное корпусу Эрлона, помимо Нея, которому этотъ корпусъ былъ подчиненъ. Во второй день кампаніи 1815 года, армія Наполеона наступала въ двухъ колоннахъ: на Линьи—Наполеонъ и на Катръ-Бра—Ней. Ней истощаетъ всѣ усилія, чтобы сбить англо-голандцевъ, въ расчетѣ на корпусъ Эрлона, прибытіе котораго онъ ожидаетъ съ часу на часъ. Корпусъ Эрлона дѣйствительно приближается, но въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Катръ-Бра къ нему прискакиваетъ адъютантъ Наполеона, генераль Лабедойеръ, и, не найдя корпуснаго командира на мѣстѣ, сворачиваетъ самъ корпусъ къ Линьи, а затѣмъ отыскиваетъ Эрлона и передаетъ ему приказаніе Наполеона. Эрлонъ ведетъ корпусъ по новому направленію, увѣдомивъ объ этомъ Нея. Ней, находясь въ критическомъ положеніи, посылаетъ Эрлону одно за другимъ

приказаніе вернуться, но онъ продолжаетъ движеніе. Къ вечеру, онъ подошелъ къ тылу лѣваго фланга Наполеона, не давъ знать о своемъ приближеніи. Наполеонъ, готовившійся въ эту минуту произвести рѣшительный ударъ, приостанавливается до полученія разъясненія, какія войска появились у него въ тылу. Пока дѣло разъяснилось, удобный моментъ для атаки пропалъ, потому что прусаки нѣсколько оправились. Когда оказалось, что это корпусъ Эрлона, ему не было послано приказаніе, что дальше дѣлать, а между тѣмъ Ней настоятельно требовалъ его возвращенія. Эрлонъ, оставивъ часть корпуса у Линьи, дѣйствительно вернулся къ Ней, но уже тогда, когда стемнѣло и когда сраженіе было окончено. Такимъ образомъ, корпусъ Эрлона, двигаясь между двумя полями сраженій, находящимися въ восьми верстахъ одно отъ другаго, не только не оказалъ никому содѣйствія, но былъ причиной неполной побѣды Наполеона I у Линьи, заставивъ упустить удобный моментъ для рѣшительнаго удара, и критическаго положенія Ней у Катръ-Бра, который, въ ожиданіи его, ввязался въ жаркое дѣло. Ясно, что если бы корпуса Эрлона въ этотъ день не было во французской арміи, то Наполеонъ I достигъ бы болѣе рѣшительныхъ результатовъ. Все это произошло отъ того, что приказаніе о движеніи къ Линьи было послано Эрлону помимо Ней, которому онъ былъ подчиненъ, т. е. не въ порядкѣ подчиненности, а также и потому, что невозможно распоряжаться на двухъ поляхъ сраженій, удаленныхъ на восемь верстъ другъ отъ друга, такъ какъ, сражаясь у Линьи, нельзя знать, какъ идутъ дѣла у Катръ-Бра.

Сводя все сказанное о содержаніи и отдачѣ приказаній, приходимъ къ заключенію, что всякое приказаніе должно быть: ясно, кратко и опредѣленно, и отдано хладнокровно, энергически, въ порядкѣ постепенности и, сообразно его важности, въ соответствіи съ положеніемъ и силами лица, которому оно поручается.

Для того, чтобы приказаніе дошло быстро по назначенію и было правильно и энергически исполнено, нельзя ограничиться однимъ соблюденіемъ изложенныхъ нами правилъ отдачи его, необходимо еще, чтобы оно было своевременно и въ надлежащемъ видѣ передано и такимъ же образомъ принято исполнителемъ.

VII.

ПЕРЕДАЧА ПРИКАЗАНИЙ.

Какъ выше сказано, для передачи приказаній служатъ офицеры

генеральнаго штаба, по преимуществу въ младшихъ чинахъ, адъютанты и ординарцы; но знаніе правилъ пріема и передачи приказаній обязательно для всѣхъ офицеровъ, потому что всякій изъ нихъ можетъ быть назначенъ для этой цѣли, что въ особенности справедливо относительно кавалерійскихъ офицеровъ.

При полученіи ординарцами письменныхъ приказаній, дѣло заключается въ принятіи отъ начальника конверта съ приказаніемъ, причѣмъ слѣдуетъ рекомендовать, чтобы ординарецъ, за исключеніемъ случаевъ чрезвычайно важныхъ, зналъ содержаніе распоряженія, что, съ одной стороны, позволить иногда, напримѣръ, въ случаѣ потери или необходимости уничтожить его въ виду возможности попасться въ руки непріятелю, передать сущность приказанія исполнителю на словахъ; ординарецъ, потерявъ приказаніе при значительномъ разстояніи отъ мѣста назначенія, долженъ употребить такъ много времени на возвращеніе къ начальнику и на полученіе дубликата приказанія, что обстановка можетъ совершенно измѣниться и происшедшій отъ этого замедленія вредъ будетъ непоправимъ; съ другой стороны, ординарецъ, зная сущность приказанія, правильнѣе оцѣнитъ все видѣнное имъ на мѣстѣ и въ пути, а слѣдовательно, дастъ болѣе точный и отвѣчающій обстановкѣ отчетъ, какъ исполнителю, такъ и пославшему его начальнику.

При пріемѣ словесныхъ приказаній офицеръ долженъ внимательно выслушать начальника, а въ случаѣ неясности или неподноты приказанія обязанъ просить разъясненія или дополненія, не боясь возбудить этимъ въ начальника гнѣвъ или раздраженіе, потому что неправильно понятое приказаніе будетъ въ такомъ же видѣ передано и исполнителю, а отъ этого можетъ произойти неисправимый вредъ. Съ своей стороны, и начальникъ не долженъ отказывать въ необходимомъ разъясненіи и пополненіи, помня, что всякая неясность въ приказаніи можетъ иривести къ результатамъ, обратнымъ тѣмъ, какихъ онъ желалъ. Чтобы лучше удостовѣриться, что отдаваемое приказаніе хорошо понято и усвоено ординарцемъ, можно рекомендовать начальнику, передавъ его, заставить повторить при себѣ офицера, не обращая при этомъ вниманія на потерю нѣсколькихъ лишнихъ секундъ, потому что эта потеря вознаградится сторницею. Кромѣ того, необходимо, чтобы ординарецъ обратилъ вниманіе и постарался твердо запомнить къ кому, куда и черезъ какіе пункты онъ долженъ слѣдовать. Если бы начальникомъ было указано только кому и куда доставить приказаніе, то ординарецъ тотчасъ же долженъ по картѣ сообразить какъ ему ближе и удобнѣе ѣхать.

Вообще, при приѣмѣ словесныхъ приказаній офицеръ не долженъ надѣяться на свою память, а гораздо лучше, если приказаніе будетъ записано имъ тутъ же, при полученіи.

Нельзя не указать, какъ на примѣръ, достойный подражанія, на правила, соблюдаемыя при этомъ въ прусской арміи. Какъ только начальникъ подзываетъ офицера, онъ тотчасъ вынимаетъ записную книжку и вноситъ туда, какъ содержаніе самаго приказанія, такъ и мѣсто и время отдачи. Въ большинствѣ случаевъ, записанное такимъ образомъ приказаніе прочитывается офицеромъ, а затѣмъ подписывается начальникомъ.

Офицеръ, а въ случаяхъ менѣе важныхъ, или при недостаткѣ офицеровъ, унтеръ-офицеръ, принявъ письменное приказаніе, отправляется къ мѣсту назначенія, причемъ скорость передачи выражается въ алюрахъ и объясняется начальникомъ или на словахъ, или какими либо условными знаками на конвертѣ. Въ прусской арміи для этой цѣли принято дѣлать кресты на конвертѣ—одинъ крестъ требуетъ ѣзды съ скоростью семи верстъ въ 45 минутъ, два креста семи верстъ въ 30 минутъ, а три креста тѣхъ же семи верстъ въ 20 минутъ.

Во время пути посланный съ приказаніемъ долженъ внимательно наблюдать все встрѣчающееся ему на пути, не упуская дополнять свои наблюденія разспросами жителей и останавливая вниманіе на примѣтахъ—мѣста для бивановъ, костры, разныя принадлежности снаряженія и изломанныя повозаи, оставленныя на дорогѣ и т. п., съ тѣмъ, чтобы, прибывъ къ мѣсту назначенія, дать полный и обстоятельный отчетъ о видѣнномъ и предполагаемомъ на основаніи этихъ примѣтъ. Все, что только можетъ клониться къ успѣшному исполненію порученія, не должно быть упускаемо изъ вида: необходимая предосторожность, хитрость, а иногда и дерзость, чтобы избѣжать встрѣчи или уйти отъ непріятеля; ловкость въ уничтоженіи или скрытіи приказанія, въ случаѣ захвата непріателемъ, словомъ, все, лишь бы приказаніе было доставлено своевременно по назначенію.

При передачѣ словесныхъ приказаній должны быть соблюдаемы тѣже правила, но передача ихъ чрезъ унтеръ-офицеровъ допускается развѣ въ случаяхъ крайней необходимости, когда подъ рукой нѣтъ ни одного офицера.

Доставивъ приказаніе по назначенію и отрапортовавъ о сдѣланномъ имъ наблюденіи въ пути, а также получивъ расписку въ принятіи приказанія, съ обозначеніемъ дня, часа и минуты, что удобно дѣлать на конвертѣ при письменныхъ приказаніяхъ и въ намятной книжкѣ, при приказаніяхъ словесныхъ, ординарецъ возвращается на-

задѣ, не упуская дѣлать по дорогѣ наблюденія, чтобы по приѣздѣ дать отчетъ какъ о найденномъ на мѣстѣ, такъ и о встрѣченномъ въ пути, туда и обратно. Подобныя свѣдѣнія драгоцѣнны для начальника, потому что обрисовываютъ наиболѣе правильно обстановку. По природному уму, ловкости, смѣтливости, смѣлой и твердой ѣздѣ, доброму и выносливому коню, даже и простой казакъ вполне пригоденъ для этого рода службы, потому что онъ съумѣетъ извернуться изъ самыхъ трудныхъ обстоятельствъ и доставить приказаніе по назначенію. Справедливость этого подтверждается какъ военной исторіей, такъ и мирной практикой.

При соблюденіи всѣхъ вышеозначенныхъ условій, мы всетаки не можемъ быть увѣрены, что приказаніе будетъ доставлено своевременно по принадлежности, если оно послано съ однимъ ординарцемъ и по одной только дорогѣ, такъ какъ посланный можетъ сбиться съ пути, сломать ногу коню, попасться въ плѣнъ и т. п., а слѣдовательно, и не исполнить порученія. На основаніи этихъ соображеній, важныя приказанія, при возможности встрѣчи съ непріателемъ, слѣдуетъ посылать въ двухъ экземплярахъ, направивъ ихъ по различнымъ дорогамъ, а внутри расположенія арміи, хотя и въ одномъ экземплярѣ, но придавая ординарцу вѣстоваго, на случай какого-либо съ нимъ несчастія.

Военная исторія показываетъ, что неисполненіе этого часто вредно отзывается на успѣхѣ задуманнаго предпріятія. Въ первый день кампаніи 1815 года, посланный съ приказаніемъ къ Вандаму сломалъ на дорогѣ ногу, а потому и не доставилъ приказанія о выступленіи корпуса въ три часа утра. Вандамъ только тогда узналъ объ этомъ приказаніи, когда находившійся за нимъ корпусъ наткнулся на его бивакъ. Корпусъ вмѣсто трехъ часовъ выступилъ въ шесть, а между тѣмъ ранее выступленіе было назначено въ виду нечаяннаго нападенія на растянутое квартирное расположеніе англо-прусской арміи. Происшедшее замедленіе значительно облегчило англо-прусаковъ и повредило французамъ.

Въ 1831 году фельдмаршалъ Дибичъ послалъ приказаніе князю Шаховскому, командиру гренадерскаго корпуса, къ Яблоннѣ, чтобы онъ, двигаясь по старой дорогѣ, не переходилъ Непорѣнта, а если онъ его прослѣдовалъ, то чтобы остановился тамъ, гдѣ его застанетъ приказаніе. Казакъ, посланный съ этимъ приказаніемъ, отправился по кратчайшей дорогѣ, но, не доѣзжая Яблонны, узналъ о движеніи польскаго отряда Демблинскаго, а потому и вынужденъ былъ свернуть по другой, болѣе кружной дорогѣ, сдѣлавъ при этомъ совер-

шенно напрасно нѣсколько лишнихъ верстѣ. Опоздавъ, вслѣдствіе этого, онъ доставилъ приказаніе тогда, когда князь Шаховской прослѣдовалъ уже Непорѣтъ и подошелъ къ Бялолэнкѣ, гдѣ и завязалъ несвоевременное дѣло съ польской дивизіей Дверницкаго. Дѣло это было причиной того, что фельдмаршалъ Дибичъ, ранѣе, чѣмъ онъ предполагалъ, атаковалъ польскую армію подъ Гроховымъ, а потому и не достигъ ожидаемыхъ результатовъ—уничтоженія или, по крайней мѣрѣ, сильнаго разгрома польской арміи, а, слѣдовательно, и конца кампаніи; дѣло у Бялолэнки открыло глаза полякамъ, указавъ имъ, откуда грозитъ бѣда. Все это произошло отъ того, что приказаніе было послано въ одномъ экземплярѣ, такъ какъ въ противномъ случаѣ, кто нибудь изъ посланныхъ по разнымъ дорогамъ доставилъ бы приказаніе своевременно.

Ко всему изложенному о передачѣ приказаній нужно добавить, что словесныя приказанія, а въ особенности важныя, должны быть передаваемы лицами, извѣстными тому, кому они посылаются, такъ какъ въ случаѣ ошибки, какъ говорить и законъ, «отговорка незнаемъ того, кто объявилъ ложное повелѣніе, въ извиненіе не принимается». При несоблюденіи этого правила, начальникъ, уклонявшійся произвольно отъ даннаго ему приказанія, имѣлъ бы возможность оправдаться ссылкой на другое приказаніе, отмѣняющее первое, и полученное чрезъ неизвѣстное лицо. Въ случаѣ же полученія важнаго приказанія черезъ неизвѣстное лицо, начальнику остается или не исполнить его или, задержавъ привезшаго приказаніе, послать справиться въ справедливости его, если только время и обстоятельства допустить это сдѣлать.

Въ случаяхъ передачи важныхъ приказаній на значительныхъ расстояніяхъ необходимъ строгій выборъ лица, которому это поручается, такъ какъ въ этомъ случаѣ исполненіе порученія окружено еще большимъ числомъ случайностей, да и отъ исполнителя требуется значительная физическая крѣпость и сила воли, въ особенности, если принять во вниманіе большую скорость, требуемую иногда для передачи подобныхъ приказаній. Война 1870—1871 годовъ показываетъ, на что можно и должно рассчитывать въ этомъ случаѣ. Поручикъ Гагено, посланный генераломъ Виттихомъ къ генералу фонъ-дербъ-Танну, съ увѣдомленіемъ о выступленіи его изъ Шартра въ Кюльмье, для поддержанія 1-го баварскаго корпуса, сдѣлалъ, въ теченіе 24-хъ часовъ, 150 верстѣ, на одной лошади, сперва подъ проливнымъ дождемъ, а затѣмъ при полной темнотѣ.

Всякій ординарецъ, привезшій словесное приказаніе, долженъ пе-

редать его начальнику спокойно и хладнокровно, а не бросать его мимоходомъ, на скаку. Приказаніе въ этомъ случаѣ врядъ ли будетъ услышано и понято, и придется просить разъясненій, что повлечетъ за собою потерю времени. Замѣчательна сноровка нѣкоторыхъ начальниковъ, не выслушивающихъ приказанія иначе, какъ заставивъ ординарцевъ слѣзть съ лошадей. Изъ вышеизложеннаго ясно, какое важное значеніе имѣетъ для арміи правильная передача приказаній; та армія, въ которой ординарческая служба хорошо и правильно организована и такъ же исполняется, можетъ надѣяться на устраненіе многихъ гибельныхъ случайностей, такъ часто вплетающихся въ военныя событія.

При передачѣ приказаній по телеграфу можно рекомендовать придерживаться слѣдующихъ правилъ: 1) получивъ депешу съ приказаніемъ, передавать ее обратно на станцію отправленія, что необходимо для контроля; 2) при отправленіи нѣсколькихъ депешъ, да и вообще всегда, помѣчать на самой депешѣ время отдачи приказанія (что особенно важно при отправленіи нѣсколькихъ депешъ), потому что, какъ показываютъ примѣры, приказаніе, позже отданное, можетъ быть передано, при одновременномъ отправленіи двухъ телеграмъ, первымъ — тогда произойдетъ путаница. Въ войну 1870—1871 годовъ, одинъ изъ полковыхъ командировъ получилъ одновременно двѣ телеграммы; въ одной сказано было, «полкъ завтра въ десять часовъ пополудни долженъ быть въ А», а въ другой, «полкъ остается въ Б». Командиръ полка, полагая, что вторая депеша выражаетъ послѣднее приказаніе, остался съ полкомъ въ Б, а между тѣмъ высшее начальство рассчитывало, что онъ въ десять часовъ утра былъ уже въ А. Подобное недоразумѣніе произошло отъ того, что, по винѣ телеграфиста, приказаніе, полученное ранѣе, было передано имъ позже. Конечно, этого недоразумѣнія не встрѣтилось бы, если бы на самой депешѣ было означено время отдачи приказанія.

Въ случаяхъ важныхъ, какъ сказано выше, слѣдуетъ посылать шифрованныя телеграммы, ключъ къ которымъ долженъ быть извѣстенъ высшимъ начальникамъ. Кромѣ означенныхъ правилъ, слѣдуетъ указать и на то, что пользоваться телеграфомъ для передачи приказаній нужно крайне осторожно, допуская это только въ случаяхъ несомнѣнной увѣренности, что станція отправленія и назначенія находится въ нашихъ рукахъ, какъ это подтверждаетъ примѣръ изъ франко-прусской войны. Пруссаки, захвативъ одинъ изъ городовъ подъ Мецомъ, получили телеграмму отъ французовъ, не знавшихъ о занятіи этого города непріателемъ, съ вопросомъ, свободенъ ли путь? Нѣмцы от-

вѣтили имъ «да», и цѣлый французскій баталіонъ былъ доставленъ въ вагонахъ въ ихъ руки.

При передачѣ приказаній по почтѣ, чего, какъ указано нами, не слѣдуетъ вообще допускать, развѣ въ случаяхъ маловажныхъ, относящихся до внутренняго порядка войскъ, слѣдуетъ примѣняться къ правиламъ, установленнымъ почтовымъ вѣдомствомъ.

Въ случаѣ устройства летучей почты, порядокъ передачи приказаній долженъ соблюдаться такой же, какъ и при передачѣ приказаній черезъ ординарцевъ, причеиъ вся разница будетъ заключаться только въ томъ, что вмѣсто одного ординарца, приказаніе пройдетъ, какъ бы черезъ рядъ ихъ.

Передачу приказаній посредствомъ воздушнаго шара, какъ средство мало испытанное, нельзя почти принимать во вниманіе, но тѣмъ не менѣе можно рекомендовать для этого сигналы, а еще лучше телеграфъ, который связывалъ бы каптивный шаръ съ землею. Вообще, трудно пока допустить употребленіе этого средства, такъ какъ невозможно организовать контроль передачи и приема приказаній.

При употребленіи почтовыхъ голубей для этой же цѣли, слѣдуетъ, какъ показалъ опытъ, посылать распоряженія въ видѣ микроскопическихъ депешъ, уложенныхъ въ непромокаемую трубочку, и привязывать ихъ къ хвосту голубя.

VIII.

ПРИЕМЪ ПРИКАЗАНІЙ.

Правила приема приказаній заключаются въ слѣдующемъ: начальникъ, получившій письменное приказаніе, и выслушавъ ординарца, сообщившаго ему, какъ о видѣнномъ имъ въ пути, такъ и на мѣстѣ, выдаетъ ему расписку, обозначая въ ней мѣсто, день, часъ и минуту полученія приказанія. При приемѣ приказаній словесныхъ, начальникъ долженъ внимательно выслушать ординарца, заставивъ его повторить приказаніе, если бы оно было непонятно передано. Необходимо при этомъ требовать яснаго и спокойнаго изложенія сущности приказанія, приостановивъ ординарца, если онъ торопится.

Для того, чтобы приказаніе могло быть своевременно принято, нужно, чтобы начальникъ находился на извѣстномъ мѣстѣ, такъ какъ иначе ординарецъ можетъ не найти его. На этомъ основаніи, въ диспозиціяхъ обозначается мѣсто начальника, такъ какъ ординарецъ, прискакавъ къ части, непременно обратится къ первой попавшейся ему ротѣ или баталіону съ этимъ вопросомъ, и если мѣсто начальника

неизвѣстно, то, не получая указанія, ординарецъ потеряетъ такъ много времени, что опоздаетъ доставить приказаніе своевременно. Въ видахъ того же, слѣдуетъ принять за правило, что, переходя на другое мѣсто, начальникъ долженъ оставить на прежнемъ мѣстѣ офицера, который направлялъ бы веѣхъ пріѣзжающихъ съ приказаніями и донесеніями по новому направленію.

Приведенный нами примѣръ изъ кампаніи 1815 года показываетъ, что несоблюденіе этого правила весьма губительно. Какъ извѣстно, Эрлонъ не находился при своемъ корпусѣ, когда прискакалъ генераль Лабедойеръ съ приказаніемъ отъ Наполеона. Это можно признать главной причиной той легкости, съ какой корпусъ свернулъ по новому направленію, такъ какъ Эрлонъ, узнавъ объ этомъ, какъ о совершившемся фактѣ, не нашелъ нужнымъ и даже возможнымъ поступить иначе, потому что корпусъ прошелъ уже нѣсколько верстъ по новому направленію. Другое дѣло, если бы Эрлонъ находился при корпусѣ, тогда, можетъ быть, онъ и не рѣшился бы послушаться приказанія Нея, которому былъ прямо подчиненъ, а слѣдовательно, корпусъ его не только не былъ бы помѣхой въ этотъ день, а принесъ бы существенную пользу у Катръ-Бра.

Но если приказаніе будетъ принято только начальникомъ и не дойдетъ до исполнителей, то трудно ожидать правильнаго, быстрого и энергическаго исполненія, такъ какъ всякій человекъ способенъ хорошо, толково и энергично дѣлать дѣло только тогда, когда ему извѣстно, зачѣмъ оно нужно. Безцѣльность дѣйствій порождаетъ апатію, а слѣдовательно, служить тормазомъ для достиженія успѣха въ какомъ бы то ни было дѣлѣ. Ничто такъ не подрываетъ въ войскахъ бодрость духа и увѣренности, какъ незнаніе, зачѣмъ то или другое ими дѣлается. Человекъ въ этомъ случаѣ склоненъ отнестись къ распоряженію съ недоувѣріемъ, что, конечно, отразится вредно на задуманномъ предпріятіи. Хотя, безъ сомнѣнія, всякій долженъ исполнить приказаніе безпрекословно, но разница въ исполненіи будетъ громадная: вмѣсто механическаго, вялаго, безсвязнаго, получится, въ случаѣ знанія цѣли, обдуманное, примѣненное къ обстоятельствамъ и полное энергіи и жизни исполненіе.

Нельзя вообще допустить, чтобы всякое приказаніе дѣлалось извѣстнымъ всѣмъ отъ перваго до послѣдняго рядоваго, такъ какъ сохраненіе въ тайнѣ важныхъ распоряженій имѣетъ первостепенное значеніе. Но и тогда, не объявляя заблаговременно объ извѣстномъ приказаніи, слѣдуетъ допустить, чтобы оно, по крайней мѣрѣ, въ ми-

нуту исполненія, сдѣлалось извѣстнымъ тѣмъ, кому исполненіе поручается.

Заблаговременное сообщеніе приказанія войскамъ можетъ принести пользу и въ томъ случаѣ, когда мы хотимъ ввести въ обманъ непріятеля, такъ какъ приказаніе, сдѣлавшееся извѣстнымъ солдатамъ, и не соблюдаемое въ секретѣ, скорѣе дойдетъ до непріятеля; но при этомъ слѣдуетъ наблюдать, чтобы всѣ были увѣрены въ справедливости отданнаго приказанія.

Суворовъ, сознавая необходимость исполненія вышеупомянутаго правила, формулировалъ это положеніе такъ: «всякій воинъ долженъ понимать свой маневръ», т. е. всякій человѣкъ долженъ знать, что и зачѣмъ онъ дѣлаетъ. Какъ примѣръ того, на сколько опасно неисполненіе этого правила, мы приведемъ случай изъ войны 1831 года. Князь Шаховской, какъ сказано выше, подходя къ Бялээнкѣ, получилъ запоздавшее приказаніе отъ фельдмаршала Дибича не переходить Непорѣнта, а если онъ миновалъ его, то остановиться тамъ, гдѣ застанетъ его приказаніе. Кромѣ этого приказанія, ему, послѣ перехода черезъ Бугъ, было послано еще два другихъ, опредѣлявшихъ направление его движенія. Ни въ одномъ изъ этихъ трехъ приказаній не сказано было, зачѣмъ и почему онъ долженъ исполнить движеніе, т. е., не была объяснена цѣль маневра. Князь Шаховской, не зная о предположеніяхъ фельдмаршала Дибича, что можно признать главной причиной его рѣшенія, вида передъ собою непріятеля у Бялээнки, ввязался съ нимъ въ бой. Фельдмаршалъ Дибичъ, желая выручить Шаховскаго, вынужденнаго къ отступленію, а также опасаясь упустить поляковъ, которымъ преждевременная атака на ихъ лѣвый флангъ открыла глаза, указавъ, гдѣ опасность, рѣшился атаковать съ фронта польскую армию подъ Гроховымъ днемъ раньше, чѣмъ предполагалъ, отказавшись отъ первоначальной мысли соединить фронтальную атаку съ ударомъ въ лѣвый флангъ. Такимъ образомъ, оказывается, что необъясненіе цѣли маневрированія гренадерскаго корпуса было причиной неполнаго уничтоженія польской армии. Не подлежитъ сомнѣнію, что если бы князь Шаховской зналъ цѣль своихъ маневровъ, то не вдался бы въ ненужный бой и не только не помѣшалъ бы исполненію предпріятія, задуманнаго фельдмаршаломъ Дибичемъ, но, напротивъ, выйдя неожиданно на лѣвый флангъ непріятеля, содѣйствовалъ бы окончательному его пораженію.

Къ вышеизложенному слѣдуетъ добавить, что никакая усталость и утомленіе не должны давать повода къ непріятію тотчасъ же ординарца или къ непрочтенію полученнаго распоряженія, такъ какъ это,

какъ показываетъ военная исторія, ведетъ къ гибельнымъ послѣдствіямъ. Во всякое время дня и ночи и при всякихъ занятіяхъ должно тотчасъ же выслушать или прочесть распоряженіе, не допуская предположеній, что оно маловажно, и что его можно успѣть исполнить послѣ. Примеръ изъ войны 1809 года показываетъ, во что обходится неисполненіе этого правила. Наканунѣ дня сраженія при Ваграмѣ, эрцгерцогъ Карлъ послалъ своему брату, эрцгерцогу Іоанну, находившемуся съ 15,000 у Рааба, уведомленіе о намѣреніи принять завтра бой, и просилъ его доехать на помощь. Эрцгерцогъ Іоаннъ, получивъ приказаніе во время сна, принявъ его въ просонкахъ и, не распечатавъ, положилъ подъ подушку. Проснувшись на другой день, онъ вспомнилъ о полученномъ приказаніи и прочтя его, тотчасъ же сдѣлалъ распоряженіе о немедленномъ выступленіи. Потеряно было много времени: корпусъ, вмѣсто того, чтобы выступить на разсвѣтѣ, выступилъ въ девять часовъ утра и, не смотря на усиленный маршъ, прибылъ на поле сраженія только тогда, когда австрійская армія была въ полномъ отступленіи. Появленіе эрцгерцога Іоанна въ тылу французовъ произвело и тогда большую суматоху; а что бы было, если бы онъ прибылъ на поле сраженія своевременно? быть можетъ побѣда, вмѣсто пораженія! Отсюда слѣдуетъ заключить, что, получая приказаніе поздно ночью, во время сна, должно его тотчасъ же прочесть и сдѣлать по немъ распоряженіе, не откладывая до утра, какъ бы оно не казалось маловажнымъ. Сверхъ того, можно рекомендовать, чтобы каждый изъ начальниковъ приказывалъ, въ этомъ случаѣ, разбудить себя непременно вполнѣ, и чтобы подчиненный не удовольствовался безсвязнымъ приказаніемъ, даннымъ въ просонкахъ, а просилъ яснаго и обстоятельнаго распоряженія, не боясь, при этомъ, своею неотвязчивостью раздражить начальника, и помня, что на другой день онъ заслужитъ отъ него за это похвалу.

IX.

О ДОНЕСЕНІЯХЪ.

Приказанія и донесенія отличаются между собою лишь тѣмъ, что первыя исходятъ отъ высшихъ инстанцій и лицъ къ низшимъ, а послѣднія восходятъ наоборотъ. Это приводитъ и къ подчиненію ихъ одинаковымъ правиламъ какъ редакціи, такъ и отдачи, передачи и приѣма. Такимъ образомъ, всякое донесеніе должно быть изложено ясно, кратко и опредѣленно, и сдѣлано спокойно и въ порядкѣ подчиненности; донесенія письменныя предпочитаютъ словеснымъ; важ-

ныя донесенія, при возможности встрѣчи съ непріятелемъ, посылаются въ двухъ экземплярахъ и по равнымъ дорогамъ, а въ расположеніи арміи хотя и въ одномъ экземплярѣ, но съ ординарцемъ, сопровождаемымъ вѣстовымъ; важныя словесныя донесенія передаются черезъ лицъ, лично извѣстныхъ тѣмъ, къ кому они посылаются, и, наконецъ, остаются въ силѣ тѣ же правила пріема и та же необходимость, чтобы мѣсто начальника было извѣстно подчиненнымъ частямъ и лицамъ.

Но подчиняясь одинаковымъ правиламъ редакціи вообще, нѣкоторые виды донесеній требуютъ видоизмѣненія этихъ правилъ. Такъ, въ донесеніяхъ съ передовыхъ отрядовъ и съ аванпостовъ нельзя ограничиваться только главнымъ, тутъ все, что только будетъ замѣчено или узнано о непріятелѣ, существенно важно: передвиженіе отрядовъ, пыль, видимая вдаль и произведенная какъ бы движеніемъ войскъ, бивачные костры, донесенія шпіоновъ и лазутчиковъ, болѣе частыя нападенія на аванпосты, несвоевременная смѣна ихъ и т. д.,— все это служить для разузнанія о намѣреніяхъ противника.

Надобно замѣтить, что вообще въ донесеніяхъ, а въ особенности въ послѣднемъ случаѣ, можно помѣстить троякія свѣдѣнія: во-первыхъ, то, въ чемъ доносящій лично убѣдился, во-вторыхъ, то, что ему сдѣлалось извѣстнымъ черезъ разспросъ жителей и лазутчиковъ, и въ-третьихъ, то, что онъ предполагаетъ на основаніи примѣтъ. Такимъ образомъ, свѣдѣнія эти могутъ быть: 1) достоверно извѣстныя, 2) правдоподобныя или возможныя и 3) предполагаемыя.

Въ прусской арміи требуется отъ послѣдняго рядового, чтобы онъ умѣлъ ясно различить эти три категоріи свѣдѣній, что, конечно, достойно подражанія, такъ какъ сбивчивость и неясность въ донесеніяхъ этого рода бываетъ часто причиною ложныхъ тревогъ и предположеній. Донесенія въ родѣ «видимо невидимо» должны быть преслѣдуемы. Важность толковаго и дѣльнаго изложенія всего замѣченнаго каждымъ изъ рядовыхъ на посту, при умѣннн различить три вышеозначенныя категоріи, не подлежитъ сомнѣнію, а потому является необходимость позаботиться объ этомъ и въ мирное время на аванпостныхъ ученьяхъ и маневрахъ.

Кромѣ умѣннн различать три категоріи свѣдѣній, должно требовать, чтобы при донесеніяхъ не употреблялось выраженій: позади, впереди, вправо и влѣво, а обозначалось положеніе предметовъ по странамъ свѣта. Послѣдняго, понятно, у насъ нельзя требовать отъ рядовыхъ, но унтеръ-офицеры, а также офицеры должны строго придерживаться этого.

Соблюденіе всѣхъ вышеупомянутыхъ правилъ при донесеніяхъ на столько же важно, какъ и при приказаніяхъ, но правило передачи важныхъ словесныхъ донесеній черезъ лицо, лично извѣстное тому, къ кому оно посылается, и задержаніе неизвѣстныхъ лицъ, привозящихъ важныя приказанія, пока дѣло не объяснится, является перво-степеннымъ, потому что, какъ показываетъ военная исторія, ложныя донесенія бывали часто причиной разныхъ напрасныхъ тревогъ и замѣшательствъ.

Такъ, въ 1812 году, въ первый день сраженія подъ Смоленскомъ, къ вечеру, Раевскому привезли, одно вслѣдъ за другимъ, два донесенія: первое—о взятіи королевскаго бастиона, второе—что французы овладѣли мостомъ на р. Днѣпрѣ. Оба эти донесенія оказались ложными, а офицера, привезшаго второе донесеніе, не удалось и отыскать. Хотя въ данномъ случаѣ эти донесенія не привели къ катастрофѣ, но она легко могла случиться.

Другой случай изъ войны 1831 года доказываетъ сказанное еще ярче. Генералъ Крейцъ, преслѣдовавшій отрядъ Хржановскаго, который двигался въ Замостье, настигъ его у Любартова, причемъ, пользуясь безпечностью поляковъ, подошелъ скрытно на пушечный выстрѣлъ къ биваку отряда. Генералъ Хржановскій, выѣхавшій повѣрить правильность исполненія сторожевой службы, поднявшись на пригорокъ, увидѣлъ вдругъ передъ собою непріятеля. Сдѣлавъ необходимыя распоряженія, онъ схватываетъ два готовые эскадрона и устремляетъ ихъ на отрядъ генерала Крейца, чтобы нѣсколько остановить его наступленіе. Отрядъ Крейца, выстроивъ боевой порядокъ, двигается въ атаку и отгѣсняетъ Хржановскаго къ самому городу, гдѣ путь отступленія лежитъ только по одному мосту. Крейцъ, видя замѣшательство и затруднительное положеніе Хржановскаго, готовится произвести рѣшительную атаку, чтобы довершить побѣду, но въ это время прискакиваетъ юнкеръ и доноситъ, что въ тылъ отряду двигается непріятельская колонна. Произошла остановка. Когда же, по разъясненіи дѣла, оказалось, что въ тылу нѣтъ ни одного непріятельскаго всадника, то произведенная тогда Крейцомъ атака не имѣла успѣха, такъ какъ Хржановскій, пользуясь перерывомъ дѣйствій, успѣлъ перемѣнить фронтъ правымъ флангомъ назадъ и уйти благополучно на югъ. Юнкеръ, привезшій ложное донесеніе и спасшій тѣмъ Хржановскаго, былъ переодѣтый полякъ, хорошо говорившій по-русски. Конечно, сообщивъ донесеніе, онъ тотчасъ же, пользуясь происшедшимъ замѣшательствомъ, ускользнулъ. Если бы всякій зналъ, что, будучи лично неизвѣстенъ тому, къ кому посылается, онъ бу-

детъ задержанъ для разъясненія или подтвержденія донесенія, то приведенный случай врядъ ли имѣлъ бы мѣсто.

Въ заключеніе скажемъ, что приведенные нами примѣры изъ военной исторіи какъ нельзя болѣе убѣдительно доказываютъ, что правильно организованные отдача, передача и пріемъ приказаній и донесеній сильно вліяютъ на успѣшное веденіе войскъ на войнѣ и въ бою, а потому остается пожелать, чтобы всякій изъ частныхъ начальниковъ былъ строгъ и внимателенъ къ самомалѣйшему приказанію, отдаваемому имъ подчиненнымъ, такъ какъ это ведетъ къ устраненію недоразумѣній и многихъ гибельныхъ случайностей. Можно смѣло сказать, что та армія, гдѣ на это дѣло обращено полное вниманіе, будетъ пользоваться однимъ изъ существенныхъ залоговъ къ успѣху.

Н. Вольскій.